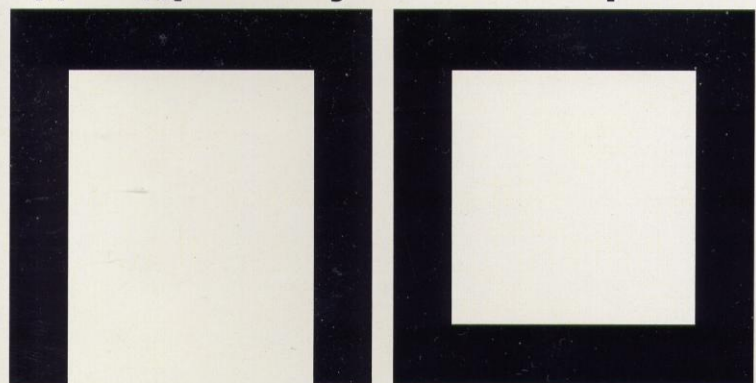

«Да здравствуют антимир!» Андрей Вознесенский

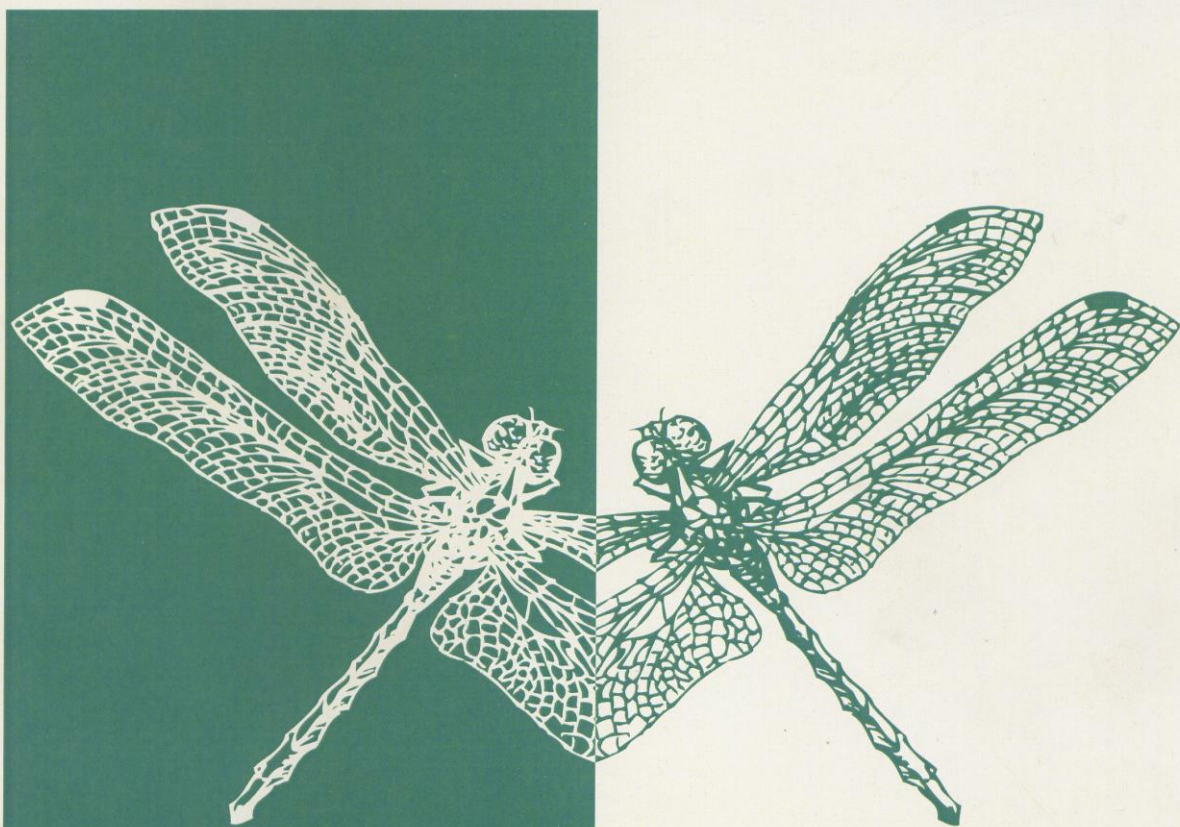

Ж У Р Н А Л

№12 (24) ̄ 2010

ЭТОВ

АЛИСА В СТРАНЕ СТРЕКОЗ

Д О О С

Алиса в стране стрекоз

Главная тайна Алисы – троичная логика, которой занимался ее создатель математик Льюис Кэрролл. Шахматная партия в Зазеркалье, где пешка Алиса должна стать королевой, не просто игра. Квадраты, разбитые на клетки, фигурки черного и белого цвета – это одновременно диаграммы всевозможных логических суждений. Двоичная логика Аристотеля построена по принципу «если – то». А если не то? Между «да» и «нет» и существует третий вариант – ни да, ни нет. При взвешивании на чашах весов может быть три варианта: опустится правая чаша, опустится левая чаша или чаши уравновесятся. «Быть или не быть?» – «Или!» Так я узнал, что дав своему собранию поэтических текстов название «Или», я шел по стопам Льюиса Кэрролла.

Он был еще и фотографом, и взгляд фотографа тоже создает особый мир его книг, ведь глаз и объектив видят по-разному. Наша поэтика очень похожа на игру в крокет у королевы в первой книге о приключениях Алисы: ворота-солдаты ложатся отдыхать, мячи-ежи дерутся, а молотки-фламинго разбегаются кто куда. Все это очень близко Добровольному обществу охраны стрекоз. Ведь нам хорошо известно, что если хочешь встретиться с кем-то, надо идти не навстречу ему, а в обратную сторону. А если хочешь остаться на месте, то надо бежать изо всех сил. Поэтому на страницах этого номера вы встретите эпиграфы – фразы из книг Кэрролла.

Стрекозы вернулись

Свою стрекОЗУ Андрей Вознесенский встретил в Зазеркалье и написал об этом поэму «Оза». «Антимиры» Таганки проломили дверь в Зазеркалье для всей страны. «Отрубить ему голову!» – вопила власть. Оза, она же Ева, протянула поэту вместо яблока треугольную грушу. «Я грушу треугольную / беру не чтоб глотать, / а чтобы души голые / сияли, как алтарь». У Чеширского кота была улыбка, у Андрея – глазухо. Он сам придумал это слово и подарил его «Журналу ПОэтов». «Давай напишем ПО большими буквами. Для всех это будет Журнал ПОэтов, а для нас и для вечности просто ПО». В 1983 году Андрей через Алешу Парщикова

пригласил меня в Переделкино. Там я прочитал ему стихотворение «ДООС». ДООС – аббревиатура Добровольного Общества Охраны Стрекоз – аукнулся в стихотворении «Аксиома самоиска» аксиомой стрекозы. А в 1999 г. Андрей вместе с Генрихом Сапгиром захотел стать полноправным ДООСом. «А в каком звании?» – спросил я его. – «А ты в каком?» – «Стрекозавр». – «А Сапгир?» – «Тоже хочет быть стрекозавром». – «А можно и я буду стрекозавр?» – «Хорошо, тогда я буду стихозавр». Так и значится на афише Первого Всемирного дня поэзии ЮНЕСКО, прошедшего в театре на Таганке: «Андрей Вознесенский – стрекозавр». А как обрадовался Андрей, когда 30 мая прошлого, 2009 г. я привез ему в Переделкино значок «ДООС – стрекозавр» и вручил по пути к даче Пастернака, куда мы прошли, как всегда, через заветную калитку. Дача Пастернака была Зазеркальем Андрея. Мы встречались там, как в вечности, дважды в год, 10 февраля и 30 мая – в день рождения и в годовщину ухода Бориса Леонидовича. Теперь вечностью стала и дача Андрея. Как хорошо, что там Оза – Зоя, и можно ей позвонить и сказать, что Андрей по-прежнему с нами. Поэты не умирают. Я уверен, что Андрей уже беседует с Пастернаком, и тот нараспев читает ему главы из «Доктора Живаго». При жизни Вознесенский помнил их наизусть. В 1998 году в Переделкино исчезли стрекозы. Об этом сказал мне тогда Андрей с большой печалью. А год назад радостно улыбнулся, когда я прикреплял к его куртке значок стрекозавра, и прошептал (он мог только шептать): «Стрекозы вернулись!»

Константин Кедров, главный редактор

Андрей Вознесенский

ДООС – стрекозавр

1933-2010

Да здравствуют антимирры! Фантасты – посреди мур.

1965 г. Театр Ю. Любимова на Таганке. Спектакль «Антимирры». Фото Виктора Ахлюмова. Первая публикация. Специально для ПО.

«Духовность – XIX являлась людям в форме слуховой, уховой (Бетховен, Чайковский, симфонизм, опера). Минувший век являет себя визуально знаково, хромотографически (абстракционисты, кино, ТВ, компьютер). Этим она знаково приближается к канонической и иконописной трактовке Св. Духа в виде ОКА, а отнюдь не УХА».

«Газета ПОэзия»
№ 1, 1995.

«Я стою босой. Я чувствую рядом священное дерево, под которым когда-то медитировал Будда. Дереву 2300 лет. Оно древнее нашей христианской цивилизации. Собственно и вид у него такой. Корневая система слилась со стволом до уровня третьего этажа примерно. К стволу примыкает прямоугольный навесик. Над местом статуи Будды. В плане, я думаю, это похоже на ПО, только там "п" поменьше – пО».

«Газета ПОэзия» № 11, 1999.

«В начале нынче заканчивающегося века, в 1911 г. Жак Брак впервые ввел три буквы как элемент живописи в кубистическую композицию. Он начертил на холсте «БАЛ» и на другом «БАХ» (уже четыре буквы на латыни). С этого момента слово вошло в живопись. Просвечивало «БОГ». Слово бе БОГ».

«Газета ПОэзия» № 2, 1996.

«Строчка сжимается до минимализма. Одно слово вжимается в другое. Так появились кругомёты. Нельзя обижать другую природу. Сосна, заяц, пень тоже хотят поэзии. Я пишу стихотворение вертикальными медными буквами на сосне, которая как насос, перекачивает нам небо:
СОСНАсоснасосНАСОС».

«Газета ПОэзия» № 3, 1997

«Тело уходит в землю, а душа – в шум словаря... Когда пишешь, подчиняешься только диктующему голосу. Он возникает из хаоса, из шума словаря. Потом происходит ясность. То, что древние называли "озарение"... Из бесчувственного мира рождается мир духовный. Конечно, поэзия пишет только о любви. Особенно, когда она ее не называет».

«Газета ПОэзия» № 5, 1997.

«На исходе тысячелетия тянет к вечности. По-иному глядишь на пирамиды. Это треугольные груши вечности, увы, червивые. Над Каиром особый смог. Это пыль песчаника, из которого строились пирамиды. Она заносится в город и мешается с выхлопами бензина. Поэтому першит в горле от вечности».

«Газета Поэзия» № 8, 1998

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Андрею Вознесенскому –
ДООСу и стрекозавру

Ах, Андрюша,
Андрюша, ах –
В землю брошен небесный прах.
Ураганом себя отпел
И, отпетый, ввысь улетел.

Ты отпетый, и я отпетый
Все поэты всегда отпеты,
В коммунизме, в социализме
Мы отпеты еще при жизни.

Ах, Андрей Вознесенский, ах,
Утопающий в лепестках.

Миллион, миллион голых роз
Видишь ты с такой высоты,
Где и смерть уже не всерьез,
Потому что она – не ты.

Ха, Андрюша,
Андрюша, ха –
Усмехается из стиха.

Был лиричнейшим хулиганом
Стал лирическим ураганом

Громыхнул,
как Пушкин наганом...
Ураган унес ураганом

4 июня 2010 г.

1997 г.
ЦДЛ

Поэтический вечер
Константина Кедрова.
Ведущий – Андрей
Вознесенский
представляет издание
«Газета ПОэзия» № 3
«Формула XXI века».

Кадр из видеофильма
Иосифа Гринберга
(подмосковная
телестудия «Развилка»).

От- речение

Государь подписал отречение
Отречение от рек отречение
Отручение от рук отручение
Отречение от речи речение
Подписал-таки государь
Гос удар

Это даже в писании писано
Вассал моего вассала не мой вассал
Говорил я ему не подписывай
А он взял да и подписал

Это даже не описание
О писание а писание
Раз писание, два писание
поездов на станции Тосно
Тошно мне Господи тошно

Что же ты Государь погромович
самодержец и громовержец
Погремел погромел и грохнулся
Прогремел да и с трона стронулся

Словно поезд ушел со станции
Гос удар в последней инстанции

Государь сел к столу
и подписал отречение
кровью своих детей

17 июля 2009

Елена Кацюба

ДООС – libellula

В КАДРЕ

Ветер – дилинь-дилинь – голову запрокинь –
гусеница падает прямо в кадр
опережая тень

Птица – ти-ви – ти-ви
Пульт завладел рукой, кнопка на палец нажала
Нежится гусеница в пене сериала
Отправлю ее на Discovery
пускай оставит след в истории

Стальные гусеницы в кадре
на поле битвы Александра
парадоксальны не более
чем чайная партия Кэрролла и Набокова
на шахматном поле

Следствие – всего лишь повод для причины
Алиса и прочие девочки –
переменные величины
но в мире величин переменных
фотопластинки нетленны

Фокусное расстояние изменяется в зеркалах
Гусеница
дрожа спинными ресницами
исследует линии на юных телах

Перед камерой девочки –
что стрекозы или цветы,
свободны, легки –

но

для фотографа согласие родителей
о-бя-за-тель-но
Впрочем, его карандаш своеволен
рис(к)ует забираясь под платье
Рисунки и снимки –
плоды бесплотных объятий

Гусеница в кадре проявится мотыльком
Пепельный ком костра шевелится серой розой
Цифровые стрекозы
иксами невидимых уравнений
на авиасалоны будущих поколений
улетят

Столько зеркал и зеркалок сменила Алиса
что вся растворилась в магнитных дисках
Нажми play
и среди фото-магических аллей
в кадре окажешься

Виктор Ахломов

ДООС – линзазавр

Специально для ПО

Её действительно зовут Алисой. Хотя могла бы быть Лаурой, Гертрудой, Земфирой, Джульеттой. И даже Дездемоной. Так хороша, стройна, умна и красива была она от рождения. Летом Алиса обычно жила в деревне у бабушки. Недалеко от той самой известной русской реки, где в такой же деревне Константинове поэт написал много лирических стихов. В том числе про «отчавившую Русь». Это было после Великой геополитической революции. В 1918 году. Вот бабушка и Алиса жили в такой отчавившей, тихой, нетронутой никакой городской цивилизацией, деревне. Здесь всего восемь старинных домов на краю леса. И одна корова. Каждый вечер в почетном эскорте лохматых деревенских собак Алиса ходила с большой банкой к корове за теплым парным молоком. Корова жила на другом конце деревни. Тропинка проходила через широкие одуванчиковые поля, под тяжелыми рахманиновскими ветками пахучей сирени в сопровождении соловьиных концертов. Вечером в тихой избе Алиса рисовала дневные впечатления и читала детские книжки про алые паруса. Иногда в груди у неё появлялось ощущение нового, доселе неизвестного. И тогда её душа наполнялась каким-то тихим светом и неотъемлемой радостью. Как бы подтверждая чувства её великого лицейского сверстника, написавшего лет двести назад: «... в тиши звучнее голос лиры, живее творческие сны». Потом случилась очередная революция. Родители Алисы уехали в одну из европейских стран в поисках лучшей жизни и работы. Вскоре их трудолюбие и способности были вознаграждены новым гражданством. Подрастающая Алиса стала иногда проводить каникулы в европейской столице у родителей. А бабушка так и осталась жить в старой приокской деревне, которая не обозначена ни на одной самой подробной карте.

Про ту деревню на краю леса кто-то из заезжих ботаников заметил, что этот небольшой кусочек земли остался от некогда бывшего эдемского сада. Потому что в этом саду живут такие редкие лягушки, змеи, бабочки и стрекозы, которых ботаники не встречали в других глухих уголках области.

Талант Алисы вырос в деревне настолько, что она без труда поступила в престижный московский вуз, а заодно и в два европейских лицеза сразу. И теперь она мечется между двумя странами и тремя институтами в период сдачи экзаменов и курсовых проектов. Родители упорно склоняют Алису к получению второго гражданства. А сердце её постоянно тоскует по деревенской бабушке, парному молоку, лугам с одуванчиками, разноцветным весёлым стрекозам, холодным запахам черёмухи у колодца и соловьиным концертам в мае. И алым парусам ранней юности. Сердце тоскует и томиться. А ведь сердцу не прикажешь...

Фотографии Виктора Ахимова

Кирилл Ковальджи

ДООС – кириллозавр

* * *

Андрея Вознесенского вознёс
бессмертья дух, как лучших возносили...
Миллион, миллион алых роз
от имени поэзии России

и ангелов хранителей стрекоз!

* * *

Маленький атом
в большом человеке

Маленький человек
на большой планете

Маленькая планета
в большой Вселенной

На Твоей ладони, Господи,
кто больше?
кто меньше?

* * *

– Не уходи, подожди
подожди меня, не удаляйся!

Остановилась, ждет, обернувшись ко мне,
в чистом поле под ласковым солнцем.

Я иду
и по мере сближения
она становится все моложе,
всё тоньше, всё прозрачней

Еще один шаг

А уже только поле
и птицы и солнце...

* * *

Мать меня изгнала из чрева
по веленью любви

Мать отлучила меня от груди
по веленью любви

Мать-земля отрывает меня от жизни
по веленью любви?

Матерь Божья,
воля твоя...

Александр Еременко

Специально для ПО

* * *

Я люблю народные гулянья,
если бы не умер В. Андрей.
Ты сейчас мне чуточку налей,
и мы выпьем за не расставанье,
а за расстояние,
к Вам, Андрей

Инсталляция Маргариты Аль

Специально для ПО

Фото Александра Мараховского

* * *

Вначале было Слово
А после словечек
в конце будет –
Крик?

* * *

После изгнания
Адама и Евы,
в раю не осталось
ни одного человека!

* * *

Кто там с чёрным ящиком?
– Пандора.
А с чёрным квадратом?
– Малевич.
А с чёрной чертой?
С чёрной точкой?

КРЕСТ

Перекладина вверх
– к небу
Перекладина вниз
– к земле
Перекладина вправо
– к людям
Перекладина влево
– к тебе

* * *

От костра
остаётся
пепел

о любви нашей
перепел
пел...

Александр Городницкий

Санкт-Петербург

●
Не надо раскрашивать фильмы военных времен.
Не надо раскрашивать фильмы времен довоенных.
Там дым от разрывов, колонны измученных пленных,
Руины селений и вышки заснеженных зон.
Там четко прописано, кто тебе друг или враг.
Иного не сыщешь контрастных цветов этих между.
На белом снегу неизменно чернеет барак,
В кромешной ночи неизменная брезжит надежда.
Под черной иконой бесцветная тлеет свеча,
По черной степи заключенных везут эшелоны.
Не стоит раскрашивать черный мундир палача, –
И китель его, и его золотые погоны.
Покуда весеннее солнце горит в облаках,
И завязь на ветке листом прорастает несмелым,
Отныне и присно, и в будущих новых веках,
Останется черное черным, а белое белым.

03.05.2010

●
Тает в часах песок.
Вся голова в снегу.
Черствого хлеба кусок
Выбросить не могу.
Не понимает внук
Мой полуночный бред.
Шепчут, смеясь, вокруг,
Дескать, свихнулся дед.
Вынь мне из сердца боль,
Мой ленинградский Бог,
Чтобы муку и соль
Не запасал я впрок.
Не угождал беде
В мире, где тишь да гладь,
Веря, что черный день
Может придти опять.

20.04.09

●
Я люблю духовые оркестры,
Что других мне оркестров нужней.
Это все начинается с детства,
С довоенных забывшихся дней.
Те старинные слушая марши,
Что запомнил тогда наизусть,
Почему-то я делался старше
И впадал в непонятную грусть.
Поистлели нашивки и канты,
Неуместны в эпохе другой,
Те военные спят оркестранты
Кто под Гатчиной, кто подо Мгой.
Позабыть бы давно это надо –
Где обратно дорогу найду?

Специально для ПО

●
Молча Сталин глядит с пьедестала
На страну, что увязла в ночи.
Половина здесь жертвами стала,
А другая пошла в палачи.
Безымянных могил не отыщешь
За холодной завесой вьюг.
Оглядись осторожно, дружище,
Кто остался сегодня вокруг?
Кто в проблемах насущного быта
Обживает теперь города?
Миллионы безвинно убитых
Растворились в земле без следа.
Их забрал невозвратно Всевышний
В уготованный ангельский сад,
А убийцы на пенсию вышли,
Наплодили детей и внучат.
И не будет согласия в народе,
Не подняться народу с колен,
Если с детства в крови его бродит
Этот рабский палаческий ген.

15.04.2010

ВЕСТЬ. Фото-графика Елены Кацубы

Догнивает пустая эстрада
В Соловьевском осеннем саду.
Мне оркестр духовой не поможет, –
Впереди холода и дожди.
Отчего же, скажи, отчего же
Снова сердце заныло в груди?
Не вернуть мне васильевских линий.
Что я в жизни хорошего знал?
Все уходит, как в фильме Феллини,
Где всегда неизменен финал.
Где теряешь и дом, и подругу,
И годами налаженный быт,
А оркестр все ходит по кругу
И веселые марши трубят.

20.06.2009

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

Специально для ПО

СВЕТОЗАВРАМ

посвящается

Из слов рождается поэт
Слова рождаются в поэте
И слово СВЕТ
Сказал ПОЭТ:
«Да будет свет!»
Да будет свет поэт из света!
И вечен в слове свет
И вечен свет в поэте
Твори же свет поэт
Как свет творит поэта

Безмерен счёт зажжённых солнц
Бессчётен счёт светил небесных
Но только горсть бессмертных слов
Творящих свет из света!

Портфеля

**Марина
Герцовская**
(1953-2009)

Фото-композиция
«Стрекоза устала»

Специально для ПО

Ольга Журавлева

СТРЕКОЗИНОЕ

Ольге Ивановой

Назначь мне карту сбывшейся мечты
Шальной неоднозначностью отмеченной.
Вся жизнь – игра, в которой я и ты,
Живём с душой на вылет не залеченной.
А красота величественных поз
Не остаётся миром незамечена –
Сквозной полёт отточенных стрекоз
Коллекционно искалечен аааааа!!!
Сквозной полёт отточенных стрекоз
Изысканной булабочкой прихваченный,
И кто-то умиляется всерьёз
Такой любви к живому нерастраченной.
А кто-то удивлён наверняка
Распахнутому счастью стрекозиному –
Безумной имитации броска,
Восторгу запылённому
Витринному

* * *

Из праведников получают идола.
Из идолов – игрища.
А птицы из ангелов...
Такие, что если прицелиться выстрелить –
Скорее всего, промахнёшься...
Немыслимо!
Но целятся...
Стеляют без жалости. В ангелов...
АНГЕЛОВ!?
И падают сами в пожарища адовы,
Не ведая – ЧТО подстрелили!?
Пропашие...
И плачут над пропастью гиблой
Прозрачные –
Ангелов тени скорбящие...

Александр Чернов

ДООС – днепрозавр
Киев, Украина

* * *

Свежак направляет суда на Судак,
на рифы и шельфы.
Из трюма зеркального на полубак
вылазят пришельцы.

А каждый, как люминесцентный Кощей,
на вахте бессрочной
рубины варганит из лунных лучей
для оптики точной.

Готов утопить в лабиринтах ушей
свои же лодыжки
и почками лапоть плавучих мышей,
и хлопать в ладошки.

Пока не напялит одежду из шкур
(как раз с этим строго),
прекрасные дамы выходят на штурм.
На единорога.

Цепляется крабовладельческий строй
за якорь-резубец
и в бухте Разбойника ищет покой,
как будто безумец.

Умней Карадаг обойти стороной,
а то на закате
по правому борту тряхнет стариной
прогулочный кратер...

Поблизости ни костерка, ни дымка –
сплошной заповедник
и пришлые тянут из нас ДНК
от вздохов последних.

Виктор Клыков

ДООС – австрозавр
Вена, Австрия

ПО МАЯКУ МАЯКОВСКОГО – СТИХАМИ ПЛИ!

Его поэзия – шедевр
И в наши дни
Шедевр и в наше время
И флейта-позвоночник наша
И лошадь которая на круп
На мосту Кузнецком пала
И скрипка которая рыдала
Они все с нами
играют и рыдают
Ржут!
Лишь нет поэта с нами
тут.
Но мы поднимаем
как чаши вина
стихами наполненные
 черепя
и славим нашего маяка
МАЯКОВСКОГО на века!

29.04-10.05.2010
Москва – Вена

BASILIKA MARIATROST

(Базилика Марии Утешительницы),
Грац. Июнь 2009 – июнь 2010

ба ба зи ЛИК ааа – БАЗИЛИКА!
 ма-ри-я трост? — МАРИЯТРОСТ!
 МАРИЯ утешения ишу
 ба ба рокко – ОКО барокко
 ре ре рек-вием – РЕКВИЕМ!
 реквием БАХА – ах!
 душа рыдает утешения нет.

А-в-е Ма-ри-а МАРИЯ
у-те-ше-ние мне
Ma-ria MARIA - mein trost.
во весь рост надо мною
BASILIKA ЕЁ базилика
хранилище ЛИКА
я мааа... аленький
совсем маленький в самом низу
без-ЛИК-ий.

лестница в небо
в НЕЕ-БОО... уходит
tre trep treppe
лес лест-НИЦ-ааа.
ли лик мой мою
бо бож БОЖЬЕЙ РОСОЮ
в самом низу стою и молю
МООЛЮСЬ.

сердце ГРОХОЧЕТ
к бо бо БОГУ хочет
я начи-на-ю идти иду вверх
кре КРЕСТ грудь греет
с каждой ступенькой
с каждой сту-пень-ю
СЕРДЦУ теплее
сма-хи-ваю слезу.

НЕБО в тучах пусто вокруг
РАНЫ души ДУУ-ШАТ
с каждой ступенью
небо светлее
ДУША и СЕРДЦЕ
к БОГУ ведут.

БАЗИЛИКИ
главные двери закрыты
рано ещё рано
сбоку в открытую дверцу
вхожу
в ХРАМЕ один
по мрамору залом огромным
иду
к АЛТАРЮ.

МИР спит
только МАРИЯ ЗРИИИТ!

Яна Павелковская

* * *

Ускользающий, понимаешь ли,
Только краешек вижу твой.
От меня, как от солнца, намаявшись,
Закрываешь глаза рукой.

Беспричинное электричество
Странной формулы: «Ты и Я» –
Это личное, может, лишнее,
Но, достойное Нобеля.

Утоляющий ожидание
Только мысленный поцелуй
Это магия состояния
Сновидения наяву...

Обретаемый, обитаемый,
Населенный моей душой,
Остров твой окруженный тайнами,
Где спокойно и хорошо.

Совершенство от предчувствия
До реального бытия,
Демиурга роль – это диалог
Под названием «Ты и Я»!

30.01.2010

XPAM

Словно ртутный город, что царем основан
На костей реке, слитой с линией на руке...
Ты на мне возводишь, зоркий зодчий, Отче,
Свой, в обход пророчеств,
восьмерик на четверике.

розет С
крест К
ωφε Крез
Сократ

Стеркоза Елены Кацубы

Сергей Бирюков

доктор культурологических наук
ДООС – заузавр
Галле, Германия
Специально для ПО

к 125-летию

▼
что Хлебников птицей нахохлился
что Хлебников шелестящим орешником
что бобэоби
что малыш Хлебников
что Хлебников в солдатской фуражке
что Велимир в мордовской шапке
что Зангези
что шелест и шепот
что речь речи речики речики
что зинзивер
зиив чуив челять чул
чу-у-у-у

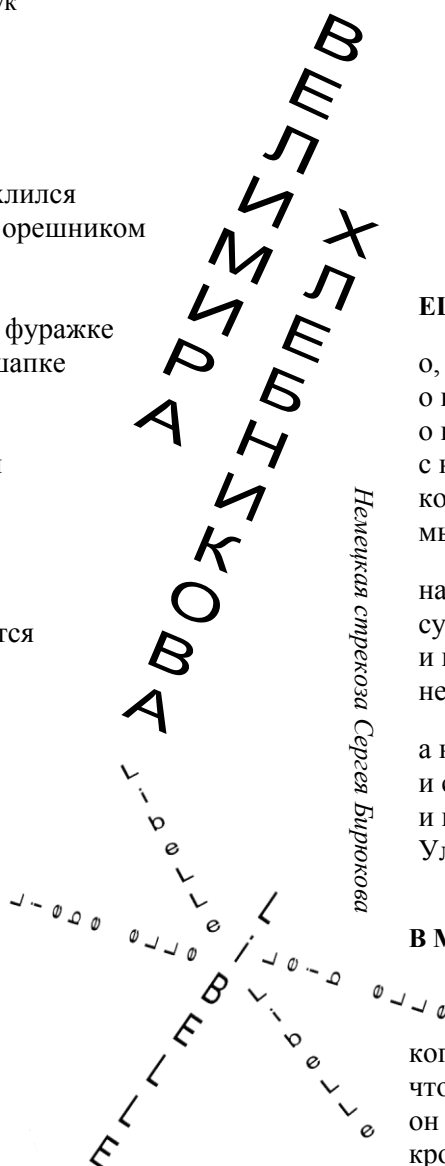
(последние звуки произносятся
с медленным затиханием)

▼
рисунок роли
вечер моря
квадрат заученного полдня
где приблизительно
и точно
замирное безмерным полня
все также
но уже иначе
препостигая Велимира
путями родовыми
начат
где полнится
и плачет лира

ПЕРФОРМАНС ОДИНОЧЕСТВА В ПАМЯТЬ О ВЕЛИМИРЕ (описание)

в полном одиночестве
в пустой комнате
плеснуть немного спирта
на дно стакана
встать посредине комнаты
повороты на четыре стороны
острая влага брошенная
в глотку
тихое произнесение имени
– проступает портрет Велимира
на стене

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

▼
Нам непривычен
облик-Хлебников.
Не угадали – это он ли?
Деревьев выставшие комли
давным-давно
не ждут посредников.
Но до столицы и до Вятки
вы чуετε дрожанье ветки.

ЕЩЕ РАЗ... О В.Х.

о, Хлебников,
о ночь густая
о волглая трава
с надрывом
когда страницы книг листая
мы смотрим в очи с перерывом

нам полагается надменно
судьбе своей противоречить
и вилку вытянуть из речи
не каждому дано наверно

а ночь насквозь уже проволгла
и съежилась трава к рассвету
и внемля дикому навету
Улыба хохотала долго...

В МУЗЕЕ ХЛЕБНИКОВА

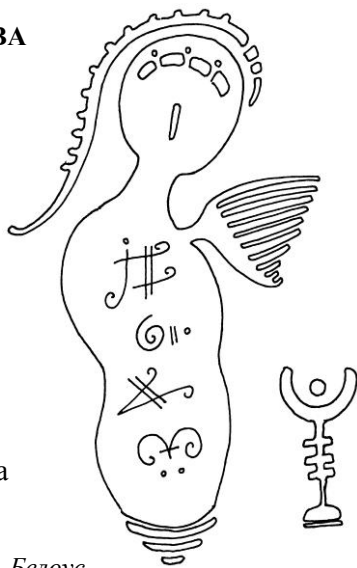
А.А.Мамееву

когда бы вы сказали Велимиру
что будет здесь музей
он может быть спросил бы
крошку сыру иль ложку щей

но есть музей и облик Велимира
в кругу друзей
и оживает и лепечет лира
и зинзиверы вторят-творят
ей

ты зинзивер ты грозная синица
кузнечик лепестков и солнцевер
возьми и это слово
пригодится в твоём пути
на поиск числозёр

о озари сияньем лебедиво
и да пребудет присно
Ладомир
да сбудется сим победиво
божественный твой мозг
о Велимир.

Руслан Элинин

(1963 – 2001)

* * *

Е.П.

мост над воздушной рекой
 дождь замерший
 качает ветер тросы
 скрипучий мост вот-вот и кончится желанной бездной
 и нет ему конца
 а на перилах свечи
 позади одни
 те что когда-то отражались в вине или в глазах
 и свечи впереди
 их свет огонь лампад
 но и они конца не предвещают
 мост то качнется
 и всплески страха у тех кого я обгоняю
 или замрет
 и снова всплеск
 смех тех кто впереди
 воздушная река все поглощает
 и миллионы звезд и сверху и внизу
 лишённые тепла и холода
 температура тела
 и дождь не вызывающий озноба пота
 и скользко но сорваться
 нельзя покуда мост не кончится провалом
 в сон
 в котором я не отрицаю
 ни Бога ни людей ни жизни
 ни Себя

Алина Витухновская

друг ДООСа

Рождающий Закономерность

Рождающий Закономерность
 Бросал ее под ноги мостовой.
 Намек на новый замысел. И верность
 Вчерашнему не значит ничего.

Стремясь к эффектам, пользуясь, не платят.
 Смеясь о будущем, насилуют свой страх.
 И черный человек на циферблате
 С куском вселенной в сомкнутых зубах

Пытается поработить пространство взглядом,
 Размыть цвета, и вещи разобщить.
 Но ненадежный и бессмысленный порядок
 Для некоторых еще рискует быть.

Им видится узор неясных соответствий.
 Они воткнули свой флаг в пустой небесный свод.
 Они не верят в то, что повторенье действий
 И слово, и число не значат ничего.

ПОРТФЕЛЯ

Зульфия Алькаева

г. Электросталь

* * *

Пришли чужестранцы
 И стали трясти деревья,
 Выспрашивая, куда полетели
 Узкоглазые птицы
 С орнаментом на крыле?

Мы им сказали:
 – Оставьте деревья
 Не знают они, куда полетели
 Узкоглазые птицы
 С орнаментом на крыле!

Вот, посмотрите,
 Деревья обходятся малым:
 Пьют талую воду,
 Целебный байкал небес...
 Им не нужны ваши птицы!
 Зачем они вам?

– Эти странные птицы
 Сядут на наши пашни.
 Мы хотели надеть им на лапки
 Кольца наших побед.

– Кто сказал вам,
 Что эти победы ваши,
 И пашни, и хижини?
 Даже дети, наверное, не от вас.

Вы правы. Свое и чужое
 Мы уже с трудом различаем.
 Однако, куда б не летели
 Эти прекрасные птицы,
 Вряд ли мы позабудем
 Орнамент на их крыле!

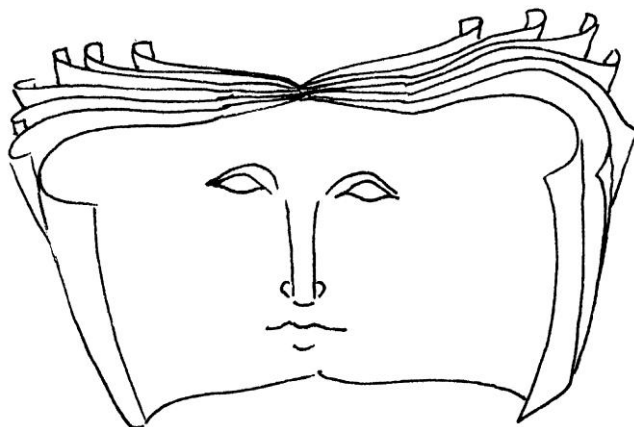

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

женщина мать
женщина дочь
мать женщина
дочь женщина
бабочек целана
ловит сачком мой старший друг геннадий

юра милорава
стал более открытым в поэзии
а я более герметичным
мы дружим почти пять лет

два года я не выхожу из дома
работаю дома
в моем домике живут:
монахи
поэты
литературоведы
музыканты
художники
другие здесь не выживают
борис панов-третий сказал мне в 1986 году
что я похож на писателя
и обещал мне дачу с бассейном
куда он собирался запустить дельфинов
однажды в 2004 году я напился и рассказал
об этом тانه грауз

она испугалась
а целан очень любил мандельштама
а мандельштам хлебникова

25.12.2004
Есенинский бульвар

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр
Казань

ОКТОЛЬ

– До восьми. Не более того, – она сказала.
Когда ж это было? – «До восьми».

... Ни боли, ни того зала,
где оно звучало, – это ДО
и вся музыка эта;

ни той ДОроги, ни куста того,
где мы стояли
и где она сказала тихо:
– ДО возьми. Не более того.

8/VIII-05.XXI

ДАЧА

июнь – и – юн – дух – и – урок
дер-ев – читающих книгуру
елена – нежная – гуру
гуру
и – слово польское «дзенькуе»
милее сердцу чем лобза –
ние – и – томно крылышкуя
летит за счастьем стрекоза

25.04.2001
ст. Партизанская

Стрекоза Елены Кацубы

Ирина Силецкая

ЧУДЕСНАЯ СТРАНА

Я полечу туда, где синь
Небес и ветра дуновенья,
Горчит и пахнет где полынь,
Лугов где буйное цветенье,
Где шепот эхом разнесут,
Как семена, по всем пределам
Ветра и на покой уйдут,
Свершив свое благое дело.

Я полечу туда, где сны
Сбываются, сменяются люди,
Возводятся любви мосты,
Ни подсудимых нет, ни судей,
Там только реки доброты
Текут меж счастья берегами,
Необычайной красоты
Усеяны они цветами.

Где осмелела даже лань
И воду пьет с рук человеческих,
Где души наши – как экран,
И проецирует в них вечность
Сам Бог, красоты в души шлет,
Чтоб люди ими восхищались.
Кто петь не мог – тот запоем,
Кто был слепым, тот зрячим станет!

Что за чудесная страна,
Куда всегда лететь готова
Душа моя? И чья вина,
Что не найти дорогу снова
Туда тому, кто побывал
В стране, от глаз людских укрытой,
Кто вновь и вновь туда искал
Свой путь, однажды позабытый?

Юрий Беликов

Пермь

ВТОРОЙ

...пошли мне, Господь, второго...
Андрей Вознесенский

Вознесенский говорит голосом пришельца.
 Так общаются сущности горние –
 при помощи ультразвукового шелеста –
 в «Пермском треугольнике».

Человецы больше его не слышат.
 Как не слышат меня. Мы – ампулы.
 Но зато летучие нас пеленгуют мыши,
 дельфины, ангелы.

Но меня они пеленгуют уже лет тридцать.
 Тридцать лет и три года стеклянным горлышком
 пилки жду, чтобы вскрыться и перелиться
 в полость Змея посредством копыа, как шприца,
 Победоносец Егорушка!

Тридцать лет и три года живу на одном ультразвуке...
 Что акриды?.. Попробуй-ка вынь его
 из безмолвья да гула – так выглядят крестные муки
 в переводе с дельфиньего.

Мне пора. Голос мой не дождался парома,
 чтоб явить невесомое в поступи,
 но на просьбу чужую: «...пошли мне, Господь, второго...»,
 ты послал мне второго, Господи.

Куда первый не вышел, откуда второго невзгода
 удалила, тошнее которому, –
 там однажды сколотят высокий ковчег перевода
 в нашу утлую сторону.

2008

Ирина Бессарабова**ПАМЯТИ ВОЗНЕСЕНСКОГО**

Складная лестница жасмина
 В ней тысячи ступеней белых
 Ступней ступеней
 Ангельских чинов
 Единственных чиновников поэта
 След в след, след в след
 Не оступаясь
 Чтоб вовремя прийти

По окончанье книги деревянной
 Начнется звездная
 Вернее, вновь продлится
 Все пишется она
 И мнится
 И мнется мантия судьи
 Страница
 И гладится ладонями планет
 И делится на то, что было до
 Тяжелой этой книги деревянной
 На то, что в ней
 И дальше, без конца
 Людей рукоплесканье не смолкает
 Земли рукоплесканье
 Океанье
 Московский дождь вселенную
 Примерил
 И оказалось впору
 Вознесенье
 Весны осенней
 Осени весенней
 Теперь никто не дочитает книгу
 Звезд вознесенских
 Разве только те
 Кому знакома
 Лестница жасмина

Специально для ПО

Рисунок Кристины Зейтунян-Белюс

Александр Бубнов

ДООС – палиндрозавр

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Полное собрание сочинений.
 Твёрдый, очень твёрдый переплёт.
 Писем, дневников, стихотворений
 и поступков
 алфавитный свод.

Неопубликованные чувства.
 Несоединённые куски.
 Откровенья, набранные густо.
 Многоточие в конце строки...

Примечания... Отсылки... Сноски...
 Самая высокая печать.

И никто, – почти никто, – не смог бы
 до конца, до точки дочитать.

Может только Абсолютный Гений.
 ...Теплится и тает на столе
 полное собрание сочинений
 всех, кто воплотился на Земле.

Christine Zeytounian-Belous

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС

Париж, Франция

АВТОРСКИЕ ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

* * *

Après avoir quitté les tréteaux de la pluie
où il s'est donné en spectacle,
le ciel nous glisse entre les doigts.

Il se roule à nos pieds,
éclabousse les voitures,
transperce les immeubles,
submerge tout :
étrange façon de s'applaudir lui-même.

Puis il s'apaise,
s'évapore.

Ne reste qu'un nuage:
altérable reste
de la gesticulation céleste.

* * *

Небо уже наигралось всласть:
оно сходит с подмостков дождя,
мы его пропускаем сквозь пальцы.

Небо падает к нашим ногам
забрызгивает автомобили,
просачивается сквозь стены и крыши.
Небо все поглощает:
так оно самому себе аплодирует.

Но затем утихает,
испаряется.

Остается лишь облако –
зыбкий обрывок
небесных кривляний.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Марина Розанова

* * *

Икс – это ось любви двух стрекоз в полете,
игрек – их грех, устремленный ввысь.
Ноль кувшинки – исходная точка отсчета,
чтоб прочертить траекторию тайны полета
дзен-стрекозы/
с крыльями цвета ничьей слезы

Алексей Торхов

ДООС – торозавр
Николаев, Украина

ЗНОБИТЛЗ

в двух шагах от незримой ели...
зелёный взгляд...
зелёный чай...
beatles...
и пальцы пальцы пальцы...
покалывают хвоей...
...
здесь не пьют а топят губы...
размечтавшиеся о поцелуях...
в каждой чашке по маленькой проруби...
обжигает губы в зелёной купели...
«мишель ма бель...»
озябшие пальцы на раскалённой коже...
чаинки в глазах...
«шельма бель...»
«...ель... ель...»
...
в тебе всё сразу...
от матфея...
от диора...
от битлз...
от ели...
в тебе есть что-то от ели...
у тебя что-то отъели...
город выплюнь откушенное...
я подставляю руки...
я жду...
...
«мишель ма бель...»
твои ладони – лучшие наушники...
для музыки безмолвия...
но пальцы осыпаются хвоей на плечи...
и музыка проникает сквозь...
«...ель... ель...»
знобитлз...

Ольга Адрова

ДООС – рок-стреккоза

Маяковский
в гостиной Бриков
Вертится, как юла:
– Люби Меня, Лиля,
Лиля, Люби Меня!
– Ты на меня напал!
– Я в тебя впал...
Маяковский – ферзь,
Маяковский – конь.
Маяковский – лесть.
Маяковский – боль:
Каковский? – просто
Маяковский.
Была, была
Юла:
– Люби меня
Всегда.
Упрям лоб, гроб
Людей, улиц,
Площадей.
– Люби, прошу!
Едва дышу.

Шекспир прониц
Чуковский – "Мойдодыр"...
Кошмарна слава, мама.
Моя любовь – лава,
Люби, мама!
К богу не могу,
Люби, умру:
У меня долги,
К богу не моги –
Пою, за двоих
Люблю.
Отдам долги, мама:
Слава.
Молилась мама.
Бог любовь швырнул –
Поднял, отряхнул.
Целый полк невест
Без мест.
Из невест рама,
Мама. Я – бес!
На небо влез:
Стоит лес
Невест.
Слез.
Тесно
Стоят
Невесты:
– Каковский
Этот Маяковский?

В горах родиться,
В Париже бриться,
В Москве разбиться
О лица.

М
А
Я
К
О
В
С
К
И
Й

Инсталляция Маргариты Аль

Фотография Елены Кацовой

Твое люблю имя,
Лиля, Лия.
Любимая,
Невыносимая,
Красивая!
В тебя, могильным
Холодом улиц,
Вошел, любуюсь...

Не спишь, Париж.
Не вынести
Твоей прелести.
Не вымести имени:
«Любимая»,
Не вынести.
– Ш-ш-ш, Париж,
в твоих шинах
Женщиной
Шумишь.
Лежишь без сил,
Развенчанный,
Любимый просто
Женщиной.
Живу в раю.
Люблю.
Лю-б-лю?

Любовь – это голод ран,
Любовь – это то, что там,
На серый асфальт легло,
И звездами расцвело.
А здесь – это морок, тлен
Ликующих хризантем
С невинностью пополам.
Любовь – это то, что там, –
Когда революций след
Любовь окунала в свет.
А всех этих долгих лет

В тебе и помину нет.
Приедешь, спроси:
Таковский Маяковский?
А теперь, с тобой –
Какой?

Был быт
Любовью смит,
С бредом был
Слит.
Не так с тобой.
За спиной
Дрожала моя Москва,
Как тень моя:
– Он на меня напал,
Он в меня попал.
Теперь – верь,
Ее глотаю мечь
Здесь.
Не пожелать врагу,
Любить – не могу,
Верь: люблю во сне,
Как зверь знает: убью,
Так я люблю
Теперь.
Меня Москва,
Тоска
Задуют, верь!
Лепи из других вер
Иных богов,
Убей любовь, пока она
Еще не создана, –
Среди морей
Не встала дверь
Из вен, не из стекла.
Пока в чужой крови
Весна
Не расцвела.

Наталия Азарова

друг ДООСа

К.К. и Е.К.

в ваших стрекозарослях
не заговориться бы
стреказаровой

* * *

возникают свежие шифры:
вертолёт
преследует волна детского серебра
сквозь
россказни песка
ракушковая беспечность частей слуха
по дороге в густовертни гроз
в белое облако вокруг голубя жоржа брака
здесь у голубей иная походка
и на чайках серым
початки океана сквозь
ресниц стрёкозиные крылышки
кози мира
лес
бор
радуги коз
così мира

вьющейся речке

с дневных церемоний дворцовых несу
в залог весенний наряд

с речного берега пьяным вконец
вечерами домой возвращаюсь

куда бы я ни пошёл повсюду
долги за вино у меня

ну так дожить до семидесяти лет
очень немногим удастся

в бабочках насквозь подвижны цветы
глубже видимы вглубь

зависает стрекозами медленно мягко
поверхность воды дрожащей

превращением ветер трепетом в свет
текут меняясь местами

на время совместно моё любованье
совместность к чему разрушать?

Ду Фу, перевод Наталии Азаровой

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр

Дублин, Ирландия

ЧЕЛОВЕК-КАМЕНЬ

Есть человек-порог
а есть и человек-камень
на развилке дорог

пойдешь налево – потеряешь
пойдешь направо – потеряешь
пройдешь рядом – споткнешься

есть человек с пустотой на плечах
а есть и человек упорствующий
в своих и чужих неудачах

DRAGONFLY

Специально для ПО

LOGGARDARN
FLAGGRAG
FLY

Что звучит в английской стрекозе
(dragonfly)?

Кроме ясных для слуха дракона (dragon)
и мухи (fly), много чего звучит.

Тело стрекозы – это небольшой сучок
(log), хотя малым сим он и поленом
показаться может.

Что же до крыльев, это полотно (rag)
со штопкой (darn),

а может быть, штопанный флаг (flag).

Итак, ясно насчет крыльев

и насчет стрекозиного тела.

Но кроме тела, есть еще понятие «тепло».

И здесь rag опять помогает, потому что
это то, чем вышеупомянутое тело
прикрывают.

Все это – отзвуки легкокрылой
трехсложной английской стрекозы.

Татьяна Зоммер

НЕВЕСОМЫЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Специально для ПО

1.
У Поэта Вознесенского – много лиц.
Кто помнит песенки, кто лесенки, а кто верлибры.
Поэт во всем – новехонький, всегда – с иголочки,
покрыт игольчатым панцирем как зарубками на времени.
Двадцатое столетие в «очко» переплавлял как металл,
шестидесятые, не зачеркивая, переправлял на нулевые.
Другим невозможно выжить в безвременности эпоху,
а ему и в невесомости влегкую пишется –
потому что летел всегда, потому что всегда летал.
2.
Много эпох захватил, ничего не захватывая.
Бил прямо в сердце, ибо – любил.
Жизнь была, а он платил –
даже за болезнь – все равно не розгами,
а только розами и любовью.
Сколько отмерено – секрет.
Может, тот, кто отмерил, и сам давно уже умер –
только на божнице остался его портрет.
Потому самое главное – самому отмерить и петь.
Петь и лететь – пусть даже в собственные «Антимиры» –
еще при жизни учиться жить-в-Небе.
3.
Обновленный нулевой Вознесенский происходит из стаи ДООС –
Добровольного Общества Охраны Стрекоз.
Звание высоко вознесшегося Стрекозавра обязывает...
ни к чему не обязывать-ся.
На крыловский пароль «Ты все пела?»
отвечать: «Да, я все пел».
Потому что Поэт – деловой и без дел. Для Поэта дела – смешные.
Жить в Небе и петь песни – про «миллионы роз»,
русский «Авось» и дела стрекоз –
в кроне по-философски-раскидистого Друга-Поэта-Кедрова.

4.
Гению не надо ходить на демонстрацию.
Для Поэта превыше – «демонстрация языка».
– Покажите язык! – Вознесенский в стихах обращается к Кедрову.
Здесь поэтова смелость – говоря, быть собой
и Эйнштейн – демонстрирующий бомбу на высунутом языке.
Дай-то Бог, чтоб поэты, обладающие языковыми бомбами, умели прощать –
людям, эпохе и Богу в самом себе.
Вознесенский прощал – «обнулялся»,
сбрасывал счетчик, как кожу,
и снова летел.

«...а поэт - это только страстная
демонстрация языка».
Андрей Вознесенский

ПЕГАС.

Рисунок Кристины
Зейтунян-Белоус

Валерия Нарбикова

ДООС

Фрагмент романа. Начало в № 11

...И ПУТЕШЕСТВИЕ

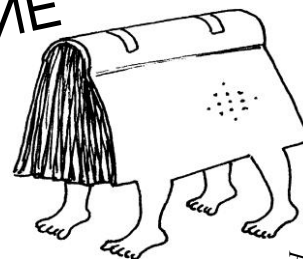

Рисунок К. Зейтунян-Белого

Однажды в студеную зимнюю пору шёл поезд. В купе сидели два господина. Они ехали в одну и ту же сторону. Но господин Ив, который сидел по ходу поезда, видел один пейзаж, а Серёжа, который сидел напротив, видел уже совсем другой пейзаж. И вот так в течение всего времени, находясь в одном и том же пространстве, в этом купе, они были очевидцами совершенно разных картин, мелькавших за окном. Всё, что наблюдал господин Ив, совершенно не попадало в поле зрения Серёжи. А всё, что видел Серёжа, было скрыто от господина Ив. Как будто из купе можно было наблюдать явную сторону мира, и тут же одновременно её обратную сторону. Конечно, Серёжа не знал, что этого господина так зовут. Серёжа смотрел то в окно, то на господина Ив. И не мог определить его возраст. Какой-то он был вечный, этот господин. То есть ему могло быть и триста лет, и в свои триста лет выглядел он лет на сорок. И выглядел он хорошо. Может, он был и не красив, но наружность его поражала. Казалось, что его глаза посажены не одинаково. Правый – глубже. А левый как бы совсем на поверхности, чуть ли не плавал в воздухе даже. К тому же казалось, что этот левый ничего не видит. Если Серёжа и чувствовал на себе взгляд этого господина, то только одного глаза – правого. И форма его головы была не совсем правильной. Слишком длинная голова, такая, какая бывает вместе с бородой. Но бороды как раз не было. Борода была внутри господина Ив. А снаружи он её брил. И когда господин Ив смотрел в окно, он покусывал губы, может, поэтому они и были такими яркими. А вот нос у него был как нос.

Нос и нос. И больше нечего про него сказать. И поправляя волосы, он как бы зачёсывал их назад. И ни одной седой пряди – совершенно чёрные были у него волосы. Лицо – загорелое. Слишком загорелое. Может поэтому на фоне лица левый, плавающий глаз и казался таким прозрачным. И если бы поезд шёл по России, то за окном бы лежал снег, потому что время было зимнее, а зимнее время в России – студёное. Но поезд убежал из России в Германию, и зима растаяла по-немецки. Поезд остановился как раз тогда, когда окончательно вышло солнце. То, что оно осветило, было серое с белым, а подальше от вокзала – с красной или чёрной черепицей на крышах. В очень чистой аккуратной луже отражалось всё вертикальное, что было вокруг неё: часть дерева и часть стены, и вниз головой в неё входили люди, так и пропадая в ней, улетая вниз головой вглубь земли.

Серёжа даже не ожидал, что господин Ив окажется таким высоким. Потому что сам Серёжа был достаточно высокого роста. Но этот господин оказался выше его на целую голову. В привокзальном кафе Серёжа ещё раз увидел его, когда тот заказал себе пиво, а Серёжа подумал и тоже заказал себе пиво, и они улыбнулись друг другу как знакомые, и Серёже показалось, что вот сейчас этот господин его о чём-то спросит, но господин Ив как-то мгновенно осушил свой бокал, он именно утолил жажду и ушёл. И тогда Серёжа подумал, что этот человек какой-то странной породы, может, раньше таких людей было много, а потом они вымерли, как египтяне, остались только на вазах, а этот чудом сохранился, может, только в одном экземпляре и не на вазе.

Вот эта улица, вот этот дом, вот эта барышня, что я влюблён, детская площадка, палисадник, пешком на четвёртый этаж. Серёжа открыл дверь и позвал: «кис-кис-кис». Она выбежала сразу. «Киса», сказал он, она сказала; «Серёжа», а потом ещё раз: «Серёжа, Серёжа». И они обнялись. Они любили друг друга, как брат и сестра, даже не потому что были на самом деле родными братом и сестрой, а просто это чувство совпало: по-настоящему брат и сестра, по-настоящему сестра любит брата, а брат – по-настоящему сестру. А всё, что не по-настоящему не касалось этого чувства. Серёжа называл Ксению её детским именем Киса.

Почему мы все дети божьи? Может, один раз сперма воскресла, ожила, вознеслась к богу вся сразу, все сперматозоиды сразу, ни один не погиб, все выжили, и все стали людьми, населили планету, все сразу: хорошие, плохие, разные, слабые, хилые, полудохленькие, но живые, и сильные, и дерзкие, и могучие, все до одного, и все – дети божьи. И не было ещё расы, наций, места жительства, все – везде, ни чёрненьких негрят, ни жёлтеньких щенков, ни беленьких котят, все – божьи, все – дети, ни одного взрослого, все – девочки и мальчики, все – ничьи, без мамы, все – божьи, а потом повзрослели и поссорились, расстались братья и сестры, переженились, состарились, наплодили собственных детей, не от бога, друг от друга, населили землю, и стали воевать, и стали умирать.

Андрей Коровин

ДООС – крымозавр

символ веры

каждая мошка:
 неизвестная именем и лицом:
 стучащая:
 в твоё окно

каждая травинка:
 без числа и имени:
 на лугу:
 по которому ты идёшь

каждый вздох ветра:
 приносящий:
 радость запахов

и есть доказательства:
Его бытия

разве могут прожить:
 хоть мгновение

все эти мелкие твари:
 муравьи
 бабочки
 жужелицы

все эти травинки:
 ковыли
 тимopheевки
 кукушкины слёзки

все эти ветра:
 ветер с луга
 ветер с гор
 ветер с моря

:
без Него

брат-рыба

рыбы вытащенные из воды рыболовом
 как первые христиане в руках язычников
 смотрят большущими глазищами
 ничего не понимая
 мир окружающий их кажется адом
 где люди как черти
 жарят братьев-рыб на сковородах
 сдирают с них живых кожу

брат мой рыба
 смирись и подставь другой бок
 когда один уже будет поджарен
 ибо жизнь наша – одно лишь смирение
 с волей синего неба
 точнее моря

ждёт нас царство такое по смерти
 что счастливы будем что умерли
 ибо там сам Посейдон нам на арфе сыграет
 и любая русалка утешит как брата
 белым своим животом

Рисунок Кристины Зейтунян-Белюс

**Антон
Афанасьев**

■
 Мы тени,
 Мы тени теней,
 Мы ниже растений.
 Вплетаются в наши глаза
 Кудрявые травы.
 Мы правы,
 Но листья дубравы
 Едва ли нам вымолвят «за».

■
 По окончании дождя мотыльки
 Прядут дружно нить
 Летней недолгой жизни.
 Они летают,
 Почти касаясь грунтовой дороги.
 Словно кто разломил цветные мелки
 И набросал прохожим под ноги.

■
 Мне голос прозвучал
 Неведомо откуда.
 Корабль нашёл причал,
 Петлю обрёл Иуда.

Портфеля

Анна Альчук

(1955 – 2008)

ДООС – стрек-Изида

история взгляда*Камилле Палья*

О Актеон поражённый!
 разреженный
воздух в лесу
извениящие стрелы

Солнца сестры

«не смОТРИ!»
 «не смОТРИ!»

поздно:

уже рассекают
 уже –
 УЖАС шести
 тысяч
 пронзающих лет

Татьяна Бонч-Осмоловская

кандидат филологических наук

Сидней,
Австралия

ЛЮБОВЬ НАВСЕГДА СМЕРТЬ (стих-грюмо)

*В которой юный принц встречается в лесу
двух дев, из которых ему по сердцу
приходится черноволосяя Клара. Её
сестра сокрушенная выбором юноши,
пронзает себе сердце. Счастливые
обрученные возвращаются в замок.*

Поют давно песню эту
Старые и молодые,
Однажды неподалёку жил
Храбрый и добрый юноша.

Днём погожим летним
Погулять пошел принц.
Когда вышла луна,
Ручей он отыскал.

Вдруг стволов темных меж
Сестер двоих различает.
Они поют так:
«Яд – красота твоя».

Была бледна младшая,
Старшая – черноволося.
Увидел её лишь только,
Стрела ему сердце пронзила.

«Дева юная, тебя зовут как?» -
Вопрошает принц брюнетку.
«Меня зовут Кларой», -
Смотрит в глаза брюнетка.

Принц руку деве протянул:
– Клара милая, будь моей!
Дева прекрасная согласна,
Его целует губы.

*В которой юный принц встречается в лесу двух дев, из
которых ему по сердцу приходится светловолосая Клара.
Её сестра, сокрушенная выбором юноши, пронзает себе
сердце. Клара тоскует о сестре. Принц, снисходя её
мольбам, кладет конец страданиям несчастной.*

Эту песню давно поют тавернами, грозными замками,
Молодые и старые поют эту древнюю песню.
Жил неподалёку однажды принц молодой и прекрасный,
Юноша добрый и храбрый правил здешней страной.

Летним погожим днём отправился он охотиться,
Принц пошел погулять, надёжное ружье прихватил.
Луна вышла когда, непроглядная ночь настала,
Отыскал он ручей, отдохнуть прилёг принц.

Меж темных стволов вдруг видит он юных дев,
Различает двоих сестер, медленно танцуют они.
Так поют они: «Сердце молодца заболело»,
«Твоя красота – яд», – песню грустную поют они.

Младшая бледна была, смугла – та, что постарше,
Черноволоса старшая, младшая заплетала русые косы.
Только лишь её увидел, сразу любовь его поразила,
Пронзила сердце ему стрела, словно молнии удар.

«Как зовут тебя, юная дева?» - говорит он юной блондинке.
Брюнетку принц вопрошает: «Дева прекрасная, как имя твое?»
«Кларой зовут меня», блондинка, потупя взор, отвечает.
Брюнетка смотрит в глаза: «Зовут меня люди Мартой».

Протянул деве руку принц: «Прелестная, тебя полюбил я,
Будь моей, милая Клара, будь ты моею женой!»
Согласна прекрасная дева, кивает и принца она целует,
Губы целует его и домой, улыбаясь, ведёт.

*В которой юный принц встречается в лесу
двух дев, из которых ему по сердцу
приходится светловолосая Марта. Её
сестра, сокрушенная выбором юноши,
пронзает сердце счастливой соперницы.
Потраченный принц сверишает
правосудие, прерывая жизнь убийцы.*

Замками грозными, тавернами,
Песню древнюю эту поют.
Прекрасный и молодой принц
Страной здешней правил.

Охотиться он отправился,
Прихватил ружье надёжное.
Настала ночь непроглядная,
Принц прилёг отдохнуть.

Дев юных он видит,
Они танцуют медленно.
«Заболело молодца сердце»,
Они поют грустную песню.

Постарше что, та смугла была,
Косы русые заплетала младшая.
Поразила его любовь сразу,
Удар молнии словно.

Блондинке юной говорит он:
«Твое имя как, прекрасная дева?»
Отвечает, взор потупя, блондинка:
«Мартой люди меня зовут».

«Я полюбил тебя, прелестная,
женой моею ты будь!»
Целует она принца и кивает,
Ведёт, улыбаясь, домой.

Сестра другая что?

Ей не быть счастливой.
Бледна свадьбой смерти,
Кинжал схватила крепко.

– Родилась вообще ты зачем,
День недобрый, Марта, настал,
Сердце моё, сестра, разбито,
Принц юный полюбил тебя.

Сделала шаг ближе,
Обняла её крепко,
Пронзил кинжал острый
Белую Мартину грудь.

Упала Марта бездыханной,
Сестра её тело обнимает.
Стоит потрясенный принц,
Глотает слёзы лишь только.

Назад наконец обернулась,
Тихо промолвила Клара:
– Принёс нам ты несчастье,
Марта погибла если.

– Невозможно тебя мне любить,
Сестра лежит мертвой коль.

– Марта твоя умерла уже,
Печаль не тебе, – ей выпирает слёзы.

Тело поникшее поднимает принц,
Тверд и бледен он сам.
Могилу вырыл он лесную,
Домой принц вернулся.

Что другая сестра? Принц оставил вторую,
Счастливой быть не ей. Дрожит, бедняжка, она.
Смерти свадьбой бледна, короткий кинжал достала,
Крепко схватила кинжал недрогнувшей рукой.

– Зачем ты вообще родилась, сестра злосчастная Клары,
Настал, Марта, недобрый день, солнце ушло навсегда.
Разбито, сестра, моё сердце, принц выбрал не меня,
Тебя полюбил юный принц, тебя возьмет женой.

Ближе шаг сделала, узкой ладонью смахнула слезу,
Крепко её обняла, поцеловала: «Прощай!»
Острый кинжал пронзил нежное сердце Марты,
Грудь Мартину белую пробила голодным ножом.

Бездыханной Марта упала, Клара горько рыдает,
Обнимает тело её сестра, осталась одна она.
Принц потрясенный стоит, камнем недвижным застыл,
Только лишь слёзы глотает, молчит поблудневший принц.

Обернулась наконец назад заплаканная бедная Клара,
Клара промолвила тихо, вполголоса юноше сказала. –
Несчастье ты нам принёс, ты полюбил лишь одну,
Если погибла Марта, тебе также быть одному.

– Любить мне тебя невозможно, – плача, промолвила Клара,
Коль мертвой лежит сестра, тогда ты казни и меня.
– Уже умерла твоя Марта, – говорит принц тоскующей Кларе.
Ей выпирает слёзы, – тебе не печаль, этой земле тебя не носить.

Принц поднимает поникшее тело, он молча берёт кинжал,
Сам он бледен и тверд – навеки мертва светловолосая дева.
Лесную он вырыл могилу, поставил памятный знак,
Вернулся принц домой, повелел сложить эту песню.

ЛЮБОВЬ НАВСЕГДА СМЕРТЬ

стих-
тромо

Вторую оставил принц,
Она, бедняжка, дрожит.
Достала кинжал короткий
Рукой недрогнувшей.

– Клары злосчастная сестра,
Навсегда ушло солнце.
Меня не выбрал принц,
Женой возьмет тебя.

Слезу смахнула ладонью узкой,
«Прощай!» – поцеловала,
Марты сердце нежное
Ножом голодным пробила.

Рыдает горько Клара,
Она одна осталась.
Застыл недвижным камнем,
Принц поблудневший молчит.

Клара бедная заплаканная,
Сказала юноше вполголоса:
– Одну лишь полюбил ты,
Одному быть также тебе.

Клара промолвила, плача:
– Меня и казни ты тогда.
Кларе тоскующей принц говорит
– Тебя не носить этой земле.

Кинжал берёт молча он,
Дева светловолосая мертва навеки.
Знак памятный поставил.
Песню эту сложить повелел.

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус

Ганна Шевченко

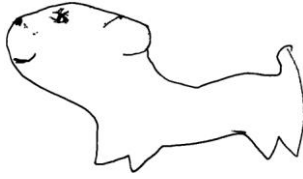
ДООС – пчела

====

хотела вернуться
но так понесло, завертелось
что даже не знаю, поверит ли кто моим бредням
мне кто-то шепнул, что в колодце живут человечки
да разве могла я в такую туфту не поверить?
конечно, разделась и плюхнулась вниз головою

плыла по тоннелям, карабкалась вниз по ступенькам
/там есть крокодилы с большими-большими ушами
и добрые крысы, похожие на доберманов/

хотела вернуться...
но два озорных человечка
вручили мне паспорт гражданки подземного царства
теперь я с кротоми играю в лапту и в косынку
а там, на поверхности, числюсь без вести пропавшей

====

ты прав во всём но я
чеширский кот
я эту ель предвидел
наперёд
и предвкушая
славную игру
готовил серпантин
и мишуру
осталось подождать
когда уснёт
компьютер этажерка
и комод
весь гардероб
столы
засовы
крюк
Джон Дон уснёт
и всё что есть вокруг

Рисунок Марины Розановой

Юлия Андреева

Санкт-Петербург

* * *

Я ослепла во сне и искала тебя,
Нашаривая в пустоте
Подушечками пальцев.
черными, потому что ночь
как крепкий кофе,
бессонная и слеподыря.
Плакала, смывая вчерашнее лицо.
А ты так и не появился.
И когда запоздавшее солнце
Вогнало в краску облака,
Что-то прозрело во мне,
А что-то исчезло вместе с ночью.

Чудное происшествие.

* * *

Истомила, свела с ума, поработила
Жара.

Июльская жара.

Лишь утром криво
Завис лазурный небосвод
Как набекрень берет.
И ангелы, скользя и ойкая
Летят к земле.
Их ловят в жаркие
Объятия женские,
В оковы жгучие
С небес да в койку.

Мои трофеи – белые перья

Из книги «Come Back to Ears»

Хадаа Сендоо

Улан-Батор, Монголия

МОНГОЛЬСКАЯ СТАРИНА

Что вызываешь ты в моей памяти
Это река – голубая шелковая лента
Убегающий шаловливый пони
Журчащий смех чистого родника
Нежный поцелуй двух влюбленных из прошлого
Чашка вкусного освежающего масальского чая
Старинный стол украшенный резьбой
Бык везущий телегу по рытвинам извилистой дороги
Груда камней на Обо
Стая диких гусей пунктиром в небе
Небо такое же одинокое как я
Затянувшаяся болезнь
Желтеющая трава на обширных пастбищах Северной Азии
Последняя подлинная монгольская юрта
Последнее кочевое племя идущее к морю земли
Танцор судьбы
Певец живой души

Масаллы – город чайной торговли. Обо – место на горе или на перевале, куда приносили камни для поклонения духам

Перевела с английского Александра Заболотская

* * *

Я розою алою,
Бабочкой в пламени,
Ракушкой с жемчугом,
Молнией шалою –
Несу откровения
Горячего воздуха,
В пожаре крыльев,
В костюме солнца.
И алым пылает зажженное небо
Закатной порою.

СВЕТОЧ

В темноте печали
слова звучали:
– Боже дал мне свет
не на сотни лет.
Сделай светочем –
Путь отмечен мой.
Во имя тепла
дотла.

Пётр Кобликов

Специально для ПО

Либеллюлы летают, любя
Летний луг, и люпины, и лилии,
Луг, лелеемый ликом луны,
Льющей ливнем лиловые линии.

1963

Стрекозок-стрёлок стройных стража
Стремнин страшила струино-страстных.

2010

*Между этими бесхитростными
и несовершенными строчками две
трети моей жизни, даже немного
больше.*

*Я обожаю этих «драконовых мух»
столько, сколько их помню.
На генеалогическом древе мира
эти потомки одной из ветвей
первобытных насекомых
представлены отдельной ветвью,
огигающей, обгоняющей куда более
современные и совершенные отряды
крылатых шестиногих...*

Наталья Никифорова**Я СЕГОДНЯ ВСТРЕТИЛАСЬ С ЧАЙКОЙ**

Я сегодня встретила с чайкой,
В высоте над землёй пролетая.
Взглянула она удивлённо, как бы ко мне вопрошая
«Что с тобой? Ты разве не знаешь,
что люди летать совсем не должны?»
Я рассмеялась, подумала:
«Ну, пусть это будут сны».
Немного её боялась, слишком мы близко были,
Клюв она открывала, а я. Я не молчала,
Сказала ей что-то вроде: Ко-ко.
На Шанель намекая.
Она отлетела сразу, слова мои повторяя.
Расстались на этом с чайкой.
Каждая полетела куда-то своей дорогой.
Будто имея дело.
Но, если честно, я просто душой отдыхала,
Летала, парила, пела. Красотами наслаждала
Душу свою, что в теле моём, не другом, человечьем,
Парила, как чайка, в небе. И думала вновь о вечном.
Совсем высоты не боялась, камнем падала в небо,
Падала, вновь взлетала. Не думала: Вот бы мне бы!
Не думала: Что за чудо?
Просто всё было, понятно.
Летать, как дышать и думать,
Приятно и очень занято!

ПОртфеля

ПИЛОТ

фотоэтиюд
Алексея
Парщикова
(1954-2009)

«Как стеклоочиститель испаряется, воздушных змеев вымерла династия.
Аэроплан кружит на прежнем месте, им протирают грязь на ветровом стекле»

Из цикла «Дирижабли»

Денис Колчин

Екатеринбург

* * *

Серебро, лазурит, позолота –
Солнцепёк, поднебесье, Урумчи.
Гумилёв или Рерих: кто круче?
Молодцы – замечательны оба.
Над барханами Такла-Макана
Жёлто-синие капли эмали,
Очертания аэроплана
(Алюминий, воздушное ралли).
Над камнями джунгарских безводий
Раскалённые медные брызги
Пролетают – последние гильзы
В предпоследнем храбрейшем походе...
Ну так что? Наибольший везунчик –
Гумилёв или Рерих? Не важно...
Фотокопии, атлас домашний –
Солнцепёк, поднебесье, Урумчи.

Анжелина Полонская

В ЛОДКЕ

Мы плыли в странной лодке: волк
с соломенной мордой, тень и я, под ивняками.
Гудело солнце, тень секла, волк грыз
деревянные поводья.

Я говорила, потерпи, мой друг, немного.
И вынимала пряник из кармана.

Но он не брал еды, не пил ни грамма
и не глядел туда, где лес восходит.
Солома истрепалась и обмякла,

а если описать наш путь словами,
он был не тем, чем замышлялся Богом.

Он был опаслив, словно заяц, и, как ягнёнок,
кроток. Пытался выть, но потерялся голос.
Хотел бежать – не научился плавать.
И в этой шкуре серой много плакал.

Куда мы плыли, господи пойми?
Зачем не теми, по кому скучали?

Давно ли или, в сущности, – недавно,
но было так, как сказано в начале.
И что могли мы, сидя в лодке, изменить?

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Ирина Горюнова

■
Панорама мерцающих желтым светом окон кажется страшной.
За каждым таким очертанием – черный квадрат, кусок пустоты,
Разъевшей твою душу год, два или столетие назад...
Жадный мегаполис пытается заарканить в ловушку,
Опутать, а потом высосать, словно паук бабочку.
Гармония нового времени – рациональная иерархия отношений,
Сводящихся к доминантности и подчинению,
Своеобразные формы БДСМ, динамично раскладывающие
Пациента на мышцы, сосуды и капилляры...
Старинная модальность не подходит современному минору...
Какой уж тут фригийский лад 1-го Бранденбургского концерта...

■
Состояние гармонии не эстетика, а поиск слаженности души
И физического тела, когда они пытаются быть в консонансе,
Что удастся им нечасто по причине вселенского хаоса,
Ложных ценностей, пошлых объятий и разных комплексов.
Когда я говорю «Люблю», ты сжимаешься, словно ждешь удара
Наотмашь, по губам и больному сердцу, мягкому животу,
Глазам... Тогда ты ползешь к выходу, матерясь и обвиняя во лжи.
Кто-то наверху хохочет, радуясь, что те же раны, надо будет
Прижигать каленым железом и в следующем перерождении...

**Игорь
Яркевич**

МИР ВАМПИРА

Обычно вампир не помнит, как он стал вампиром. Не помнит вампир и свою довамampirскую жизнь. Но он – особенный вампир. Он помнит. Не всю, конечно. И помнит плохо. Но другие вампиры вообще ничего не помнят. Стал вампиром – значит, стал вампиром. И зачем надо помнить, что было до того, как, значит, стал вампиром?

Но он помнит. Помнит, что, возможно, был хорошим парнем. Болел за «Спартак». Читал Солженицына. Слушал русский рок. Думал о будущем России. Слушал «Русское радио». Пил водку «Журавли». Пил пиво «Старый мельник». Светлое. Жил, в общем, как живут люди. Как человек. Но это все кончилось. После того, как его укусили, и он стал вампиром.

Он помнит и это, – как стал вампиром. Как его укусили. Другие вампиры об этом, как и о своей довамampirской жизни, тоже не помнят. Укусили, – значит, укусили. Значит, стал вампиром. И какая разница, как укусили и как стал? Теперь нужно быть вампиром и самому кусать других. Но он помнит. Это случилось на анализе крови. Тогда он был еще человек. Тогда ему как человеку делали анализ крови.

Медсестра, которая берет кровь, долго не могла взять у него кровь. Он был не гитарист, но кончики пальцев были твердые как у гитариста. Поэтому она долго не могла получить от него кровь. Она ему колола пальцы иголкой, но кровь не шла и не шла. Иголка ломалась за иголкой. Уже стала волноваться очередь. Кровь, в конце концов, нужно сдавать всем. В русских поликлиниках на анализ крови длинные очереди, а после анализа крови надо еще обойти других врачей тоже. Но крови все не было. Кровь не шла. Медсестра побледнела. Но потом уже не выдержала и посмотрела на него как-то странно. Потом все-таки сдержалась и еще несколько раз пыталась взять кровь. Но потом все-таки не выдержала и посмотрела все так же странно. Но не на палец. На шею. Так на людей люди не смотрят. Так на людей смотрят вампиры, когда собираются людей укусить. Потом она прокусила ему вену. Не на шею. На ногу. Вампиры не всегда кусают в шею, а куда им удобнее в данный момент. Потом он потерял сознание. Потом очнулся и стал вампиром.

Так у него началась вампирская жизнь. Недавно он пришел ко мне. Церковь пока еще не готова к приходу вампиров. Церковь вампиров слушать не будет. Поэтому вампиры, когда хотят рассказать всю правду о мире вампира, идут к русским писателям.

Современный вампир – это вампир двадцать первого века. Он не так загадочен и романтичен, как классический вампир. Он ближе к человеку. Он почти как человек. Ну, почти как человек. Он уже не боится дневного света и солнца. Он днем в гробу не спит. Днем он себя теперь чувствует так же уверенно, как ночью. Просто днем у него все равно меньше возможностей. Но днем он теперь может все то, что раньше только ночью. Может не спать. Может и кусать. Он уже отражается в

зеркале. Он больше не летает и не сходит тенью со стен. Он уже не так привередлив. Он уже пьет не только кровь. Пьет и другие жидкие субстанции. Но кровь любит больше. Но это не значит, что он будет пить только кровь. Он охотно пьет все то, что пьют русские люди, – водку и нефть. Он толерантен, политкорректен и всеяден. Он открыт и доступен. С ним можно поговорить, и он не укусит. Хотя, может, и укусит. Но укусит не сразу. Сначала с ним можно поговорить. Вампир относится к человеку как к равному. Он, правда, не любит называть человека человеком. Ему больше нравится называть человека донором. Чувства вины у вампира перед донором нет. Вампир себя виноватым перед донором не считает. Вампир тоже не виноват, что он – вампир. Вампир сам себя не кусал, когда стал вампиром. Но все-таки донору больно. Льется кровь. У донора ужас на лице. Неизвестно что с донором будет дальше. Поэтому что-то похожее на чувство вины у вампира есть.

Современному вампиру во многом сложнее быть вампиром, чем вампиру классическому. Современному вампиру нельзя кусать всех подряд. Мир уже не тот, что при классическом вампире. И кровь уже тоже не та. И все уже не то. Плохая экология, поэтому нельзя кусать ни птичек, ни мышек, ни собачек. Не все так просто и с человеком. Нельзя кусать донора, когда у донора СПИД, триппер, свиной или куриный грипп, или пока еще не выявленные наукой совсем новые болезни. Донора также не рекомендуется кусать, когда донор – наркоман, или когда в компьютере донора есть компьютерный вирус. Но всех, кого кусаешь, на СПИД или компьютерный вирус не проверишь. Приходится рисковать. Каждый донор – загадка. Каждый укус донора – вампирская рулетка. Такая вот она, вампирская жизнь. На вампира действует все. Вампир – он как осенняя муха. Он нежный. Он ранимый. Он более уязвим, чем предыдущий классический вампир.

И он более ангажирован в реальность. Двадцать первый век – это его век. Век вампира. Вампир двадцать первого века не боится проблем двадцать первого века. Вампиры первыми вышли на демонстрацию против развертывания ПРО в Европе. Поэтому американцы отменили ПРО. С вампирами не хочет связываться никто. Даже американцы.

Но вампирской мафии нет. Вампиры каждый сам по себе.

У них нет своего клуба. Нет даже своего сайта. Живут и кусают, как умеют. Карьеры не делают. В высшие эшелоны власти не идут. Там много света. Вампир света не боится. Но сам добровольно на свет не пойдет. Вампиру хорошо и внизу. Внизу света меньше, а свежая кровь есть всегда. Поэтому вампиры вместе собираются редко. Но когда вампиры собираются вместе, то вопрос всегда один – может ли вампир укусить другого вампира, если уже дальше нельзя без свежей крови, а донора рядом нет? Вообще-то вампиры друг друга не кусают. Терпят. Есть цеховая солидарность. Есть вампирское братство. Есть родство по крови. Для людей это давно пустые слова, но для вампиров пока нет. Есть вампирская совесть – сам пропадай, а товарища не кусай. Есть вампирское мужество – сам без крови пропадай, а товарищу крови попить дай. Но есть и вампирское правило – ни дня без крови. Так что вампиры иногда друг друга все-таки кусают. Но только тогда, когда уже некого кусать. Все уже укушены. Но только тогда. И чтобы этого не видели другие вампиры.

У вампира есть и другой выход, если рядом нет донора.

Выход в патриотизме и киномании. Поэтому вампир – патриот и киноман. Когда вампиру некого кусать, то у вампира нет свежей крови. Тогда вампир сам не свой. Тогда у вампира ломка. Истеричное состояние. Бессонница и днем, и ночью. Тогда вампир может думать только о свежей крови, только о ней, о ней одной и ни о чем другом. Тогда вампир, чтобы заглушить ломку и отвлечься от бессонницы, думает о России и смотрит кино.

Вампир к фильмам о вампирах относится равнодушно. Это не его кино. Это фильмы про классических вампиров, а современного вампира, то есть его, в кино пока нет. Хотя вампир к Голливуду относится хорошо и посмотрел все, что в Голливуде снято. Но фильмы про вампиров вампир бы с удовольствием укусил.

Про «Ночной дозор» вампир и слышать не хочет. Слишком романтично. И далеко от правды вампирской жизни. Хотя вампир сам романтик, но это другая романтика. И про «Антихриста» Триера тоже. Вампир не понимает некоторые эпизоды этого фильма. Тот эпизод, например, когда она вставляет ему в ногу дрель, и течет много крови. Зачем? Сначала ведь можно его укусить. Потом выпить всю у него кровь. Потом немножко отдохнуть. А потом уже вставляй ему в ногу хоть дрель, хоть свирель. А так только напрасно пропадает почем зря кровь. Не понимает эпизод, где он ее душит. Сначала ведь можно ее укусить. Потом выпить у нее всю ее кровь. Потом немножко отдохнуть. А потом уже сколько хочешь души. А так только расходуется даром кровь. Но это люди. Что с них возьмешь? Люди никогда не поймут всю ценность человеческой крови.

К фильмам про Дракулу вампиры относятся плохо. Тем более, вампиры не любят, когда вампир, как Дракула, засвечен. Они считают, что ничего такого особенного Дракула не показал. Но его распиарили. Другие вампиры не хуже.

К литературе вампиры равнодушны. Но им нравится Салтыков-Щедрин. Даже и не сам Салтыков-Щедрин Им нравится то, что сказал о нем Розанов. Что Салтыков-Щедрин напился вдоволь русской крови и сытый лег в могилу. Так что Салтыков-Щедрин для вампиров не просто любимый писатель, но и кумир. Всем бы вампирам прожить так.

Вампиры – авангард русского гражданского общества. Вампиры борются за свои права активнее других. У вампиров много претензий к женскому геноциду. И не надо вампирам морочить голову феминизмом. Вампирам виднее. Например, медсестрами в поликлинику или там больницу, или там на станцию переливания крови заборщиками кровь, берут только женщин. Хорошо, когда вампир – женщина. Тогда у нее все нормально. Тогда ей больше ничего и не надо. После донора, даже если донора не кусать, всегда остается немного крови. А если вампир – мужчина? Как тогда? Ведь ему тоже надо быть поближе к крови. И его можно понять: ему без крови нельзя.

И таких предрассудков, оскорбляющих честь и достоинство вампира, много. Вампиры, конечно, сложа руки не сидят. Вампиры идут работать в МЧС или в милицию. Там, конечно, кровь есть. Крови там хватает. Но на станциях переливания крови все равно лучше. Вампир хорошо знает не только, где в России есть кровь. Вампир хорошо знает не только эту, кровавую, часть России. Вампир хорошо знает и всю Россию. Вампиры больше знают о русской природе, чем сами

русские. Русские преувеличивают феномен своего несовершенства. Русские с ним носятся, а сами не знают, откуда он и когда впервые появился. Русские не хотят понимать метафизику русского порядка вещей. Районные поликлиники есть не только у русских. Они появились давно. Появились они в райском саду. Первым вампиром была женщина. Она еще там, в райском саду, стала забирать кровь у мужчины, который был с ней рядом в райском саду. Она там делала анализ крови для Господа Бога. Но это знают только вампиры. Вампир – патриот. Он – русский парень. Он каждый раз плюется, когда выпьет западную кровь. Или кровь мигрантов. Ничего нет вкуснее русской крови Он никогда не променяет русскую кровь ни на какую другую кровь. Но его очень многое раздражает в русских. Что русские не хотят понимать феномен своего несовершенства. Что русские не хотят посмотреть на самих себя сквозь призму вампира.

Вампиры живут не вечно, но все же дольше людей. Впереди у вампира целая вечность. Вампиры еще дождутся про себя хорошего кино. И когда люди научатся иначе относиться к вампирам. Пока люди их боятся и вампиры для них артефакт. За пределами кино люди пользоваться вампирами для бизнеса и для жизни не могут и в ближайшее время вряд ли смогут.

Россия – не самая лучшая для вампиров страна. В искусстве, экономике и спорте вампиру делать нечего. У вампира только один путь – в медсестру в поликлинике, забирающую кровь на сахар, на реакцию Вассермана и на все остальное, на что в поликлиниках берут кровь. Поэтому приходится делать операцию по перемене пола. Иди выглядеть женщиной, подходящей для этой работы. Начальство в поликлиниках поумнело. Оно не знает про вампиров. Оно в них не верит. Но если будешь выглядеть мужчиной, на работу не возьмет.

Меня уже не удивляет мужеподобность медсестер в поликлиник, забирающих кровь. Меня уже не удивляет и то, как они пристально смотрят на шею донора. Я знаю, что они вампиры. Меня это не смущает. Так надо. Они все равно делают людям анализ крови аккуратнее и быстрее, чем сами люди. Так даже лучше. Лучше вампирам. И лучше людям. Лучше всем.

Мой знакомый вампир тоже теперь женщина и медсестра в поликлинике. Скоро я пойду к нему на анализ крови. Он еще мне многое хотел рассказать про жизнь вампиров.

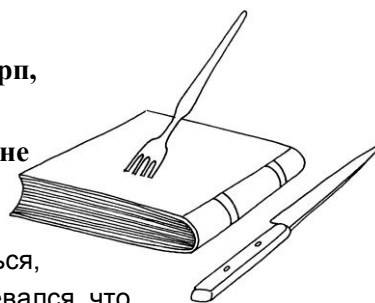

Игорь Ревякин
Специально для ПО

Андрей Вradий
ДООС

**Литературный
ремикс**

Андерсен Х. Г.
Енишорог ан ассецинирп,
или
Принцесса на горошине

Принц решил жениться,
наконец-то он не сомневался, что
нашел настоящую принцессу. Ведь прошлой
ночью она лежала на пятнадцати горошинах и
чувствовала их.

Утром ее спросили, как она почивала.

— Ах, очень плохо! Я лежала на чем-то твердом,
и теперь все тело в синяках. Это просто ужасно! —
ответила принцесса. — Я почти всю ночь напролет
глаз не смыкала. Один бог знает, что попало ко мне
в постель.

Столь чувственной могла быть только принцесса.

«Ну, это уж теперь мы проверим», — подумала
старая королева. Но ничего не сказала и пошла в
спальню. Там она сбросила с кровати одеяла и
простыни и с голых досок убрала двенадцать
горошин, потом прикрыла двенадцатью тюфяками а
поверх двенадцатью перинками из гагачьего пуха.

На эту кровать уложили принцессу, и там она
пролежала всю ночь. Утром ее спросили, как она
почивала.

Старая королева опять ничего не сказала, сразу
пошла в спальню и вынула из-под перин еще две
горошины.

На следующее утро спросили, как она почивала.

— Я лежала на чем-то твердом, и теперь все тело
в синяках. Это просто ужасно!

Снова промолчала старая королева, только
вынула из-под простыни последнюю горошину.

Ночью кто-то постучал в городские ворота, и
старый король пошел открывать. За воротами была
принцесса. Но боже, в каком она была виде! Потоки
дождевой воды стекали по ее волосам и платью на
носки туфель и вытекали из-под каблуков. И она
еще теперь уверяла, что она настоящая принцесса!

Принц сидел дома очень огорченный, очень уж
ему хотелось настоящую принцессу. «Всем нам
чего-нибудь не хватает», — думал он. Но было уже
поздно.

Принцесс было сколько угодно, но он никак не
мог узнать, настоящие они или нет. Объездил весь
свет, чтобы найти себе невесту, да так и не нашел.

Жил-был принц.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Иззет Меликова
Баку, Азербайджан

РАЙ

Я долго спал. Во сне я видел рай.
Очнувшись, та картина сохранилась.
Всё тот же издали волшебный най¹
И птица рая надо мной кружилась.
Я молча, тихо на колени встав,
Глядя на Божий лик, и созерцая,
Как над горой вдали Священный Каф²
Симург³ парит, в блаженстве утопая.
Я обернулся, позади Сират⁴
Все праведники по мосту прошли,
Но грешники, упав, попали в ад,
И грех, и зло с собою унесли.
Вознёсся в небо, на Борака⁵ вскочив,
И в мыслях Гюлюстан руками обнял.
Над Селсебилем⁶ голову склонив
Я был в раю, теперь я это понял.
Хочу умыться утренней росой
В своих мечтах Медждуном обернутся
В любви Лейли мне обрести покой
К Синаю⁷ мне тихонько прикоснуться.
Мне было так приятно, так легко,
Как в океане, в небе я купался,
От благ земных был так я далеко
И ароматом амбры наслаждался.
Я был в раю, я был в своих мечтах
На облаках скорей взлететь стремился
Я божий видел свет в своих глазах,
И голову склонив, я поклонился.
Та жизнь, что нам даётся в испытанье
В той жизни мы, земной грешим сполна,
А смерть лишь только жизни предсказанье
Жизнь заново начнётся после сна.
Я долго спал ...

1 Най (ней) — род флейты.

2 Каф — мифическая гора на краю Земли.

3 Симург — сказочная птица, обитающая на
вершине горы Каф.

4 Сират — мост через ад и рай. В Священном
Коране сказано, что после Судного дня по этому
мосту должны пройти все люди. Грешники не
могут его преодолеть, и попадают в ад, а
праведники спокойно проходят в рай.

5 Борак — по мусульманской мифологии — конь,
на котором пророк Мухаммед вознёсся в небо.

6 Селсебиль — источник в раю.

7 Синай — гора, на которой, согласно библейской
легенде, пророк Моисей имел беседу с Богом.

Санджар Янышев

ПОСЛЕДНЕЕ

Milhaud — “La Création du Monde”

И чего у кого отвоевал, Время?..
Разве было такое, чтоб меня не было?
Разве было такое, чтоб я был кем-то одним?
Для прогулки с собакой выбираю ночное.
Для разговора с природой выбираю сон.
Из двух зол выберу третье.

Почва готова; Гора начинает движение.

Я бы хотел фотографировать маяки.
Хотя собирательство не должно принимать форму материи:
вот есть у меня Мелисса — иногда она боится щекотки,
но не сегодня, и какая ловушка
сохранит мне ее верность, ее текучесть
(даже если это — ловушка слова)?

А в маяке что-то от костяной башни или минарета.
Не верите — поезжайте в форт Ворден.
Там стоит один, напоминающий все прочие:
архитектор не слишком печалился об авторском начале,
поскольку ничто в маяке не должно заслонять его назначения —
посылать звук или свет как можно дальше.

Но маяку не стоит чересчур возноситься,
ибо все башни имеют общий прообраз:
мы до сих пор за него платим мычаньем,
взамен получая одутловатое счастье —
от того, кто обыкновенно стреляет не целясь,
но чаще целится не стреляя...

И чего я кому не вернул, о Великий Лучник?
Просто готовил плов — отливал колокол:
прожигал изнутри его жидким золотом...
Мургах — пело золото, хагрум — отвечал чугун,
впитывая молочный шорох,
словно будущих микроны детей.

Две вещи: колокол и шахматы;
два состояния: сосредоточенность и покой —
не тот покой, которого не заслужил — зелен виноград! —
а тот, который растет изнутри, как форма знания
(знания, дающего равновесие;
равновесие, укрепляющее дыхание;
дыхание, выбирающее движение

без цели,
ибо любая цель нечестна, когда преобладает над действием).

...Мухаммед встает, Мухаммед говорит: «Дай мне время!..» —
и Гора дает ему время.

Александр Лысенко

Вена, Австрия
Специально для ПО

ПИСЬМО ИЗ ЗАЗЕРКАЛЯ

В миру – Вас кличут Алиса,
А в Зазеркалье – Асила,
Любимица дяди Льюйса,
Добрейшего детофила.

В нашем умозрительном
Шестом измерении,
Где из теории
относительности

Варят варенье,
А постоянная Планка
Вопреки эволюции
Размокшей баранкой
Плавает в блюде,

Ваш скачок
Сквозь завесу
Из задумчивых кварков
Весь наш файв-о-клок
Пустил насмарку.
Зайчик-повеса
Расплескал свой абсент
И – что много хуже –

Набух прецедент
Для фантазий досужих!

Вслед за Вами в промоину
Потянулись фантасты,
Развернув войны
Звездные
У нас в подпространстве.
Этот глупый ролик
Будит чувства садистские,
А ведь здесь живут Кролик,
И Котик чеширский!

А какой-то очумелый
Конца света дизайнер
На Зазеркалье нацелил
Адронный колладр!
Не ломитесь, Асила,
В миры нереальные!
Да, они субтильны,
Но они инфернальны!

Май
2010

Продолжение темы ПО № 10 «Ремни времени»

Галина Мальцева

ДООС – стреказелла

Специально для ПО

СТРЕКАЛИСЬЕ

Алиса
В стране
Стрекоз
Стрекозы
В стране
Алис
За зеркалом
Стрекот
Коз
За зеркалом
Танец Алис
Плисецкая
Пресли
Зима
Артек
Мечтают
Попасть
На
Стрекозий
Балет

Под стрекот
Коз
Спала
Алиса
А пока
Липсы
Носили
Клипсы
В вазонах
Зрели
Глаза
Бизона

Михаил Бузник

Если, вдруг,
сумели бы прочесть
«Метаметафору» Кедрова —
то голуби каменные
кровью живой стали бы.

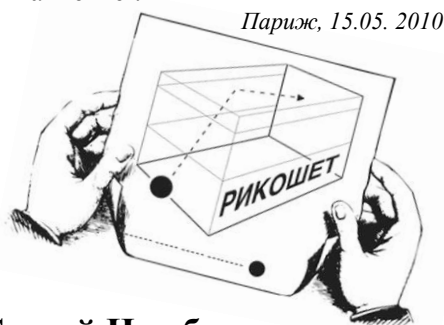
РИФМОПЛЕТСТВО —
темница черная,
что глубже могилы! —
исчезло бы.

То — что поля Елисейские —
Колизей обвивает —
постигли бы.

Узнали бы — как на холмах —
васильки Вознесенского
миллионным мгновением стали.

Де Бройля бы увидели в
жизни будущей.

Кедрова «Инсайтаут» —
читайте же !

Париж, 15.05. 2010

Сергей Цимбаленко

ДИРИЖЕР ТИШИНЫ — особое место на поэтическом глобусе, где, вопреки всея поэтической обители живут свои, ни на кого не похожие традиции и правила, законы и ментальность, культура и, конечно же, язык под единой верховной властью Константина Александровича Кедрова. В жизни людей всегда существуют места, куда их тянет снова и снова, внутри которых они получают то, что не могут получить вне этих мест. ДИРИЖЕР ТИШИНЫ — именно такое место, и поэтому там стоит побывать. Всё это похоже на досель неведомую страну, какая, открыв себя, привлекает всё большее и большее число туристов, желающих воочию увидеть и услышать буквенную музыку, где сквозь толстые слои алфавита прорывается в пространство восприятия абсолютное кедровское стихотворение:

*«Я пришел из эпохи великой людской печали
Просто есть страна нездешней печали
мы оба молчали
когда наши души кричали
и в гортанную грусть нуля
я извлек своя ЛЯ*

Альманах «Журнал ПОэтов» № 12 (24),

2010. Учредитель группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, ассоциации поэтических обществ UNESCO, Факультета Поэтов и Философов Московской академии образования **Натали Нестеровой**, при поддержке РОО «Центр современного искусства».

Главный редактор доктор философских наук **Константин Кедров**.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: Кацюба (ответ. секретарь); В. Ахломов; С.Бирюков — доктор культурологич. наук (Германия); А.Бубнов — доктор филол. наук; В.Вестстейн — профессор (Нидерланды); А.Витухновская; К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия); Б.Лежен (Франция); В.Нарбикова; В.Рабинович — профессор Института культурологи.

Содержание. 2 — А. Вознесенский; 3 — К. Кедров; 4 — Е. Кацюба; 4-5 — В. Ахломов; 6 — В. Рабинович, Т. Данильянц, А.Моцар; 7 — К. Ковальджи, А. Еременко; 8 — А. Городницкий; 9 — М. Аль; 10 — О. Журавлева, А. Чернов; 11 — В. Клыков, Я. Павелковская; 12 — С. Бирюков; 13 — Р. Элинин, А. Витухновская, З. Алькаева; 14 — Е. Степанов, Л. Блинов, И. Силецкая; 15 — Ю. Беликов, И. Бессарабова, А. Бубнов; 16 — К. Зейтунян-Белоус, М. Розанова, А. Торхов; 17 — О. Адлова; 18 — Н. Азарова, А. Кудрявицкий; 19 — Т.Зоммер; 20 — В. Нарбикова; 21 — А. Коровин, А. Альчук, А. Афанасьев; 22-23 — Т. Бонч-Осмоловская; 24 — Г. Шевченко, Ю. Андреева, Хадаа Сендо; 25 — А. Полонская, Д. Колчин, И. Горюнова; 26 — Н. Никифорова, П. Кобликов; 27-28 — И. Яркевич; 29 — А. Врадий, И. Меликова; 30 — С. Янышев, А. Лысенко; 31 — Г. Мальцева; 32 — М. Бузник, С. Цимбаленко. **Иллюстрации.** К. Зейтунян-Белоус — 1, 6, 12, 13, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 29, 30; В. Ахломов — 2, 5; А. Мараховский — 7; Е. Кацюба — 8, 17; М. Аль — 7, 9, 17; М. Герцовская — 11; М. Розанова — 24; А. Парщиков — 26; И.Ревякин — 28; Г. Мальцева — 31. Дизайн номера — Е. Кацюба. Дизайн обложки и логотип — А. Врадий. Рисунок на 4-й стр. обложки — М. Молочников. Знак «Рикошет» — А. Врадий. Знак «Из Портфеля» — Е. Кацюба. Эмблема ДООС — С. Бордачев. Цитаты-эпиграфы из переводов Н.Демуровой.

Ля
оставаясь внутри себя
где нет тебя
но ПОСЛЕ-ПОСЛЕ нас мгновенно заметят в ДО-хновением
и мы возникнем
внутри голоса где я вспомнил что уже пересекал
отраженья друг из друга плывущих зеркал
где множество слов которые я забыл
это обломки мира который был
а вода из слез
это все слова которые я произнес
Я давно потерял скрипичный ключ Логофета
Потому задавая вопросы не жди ответа
Судьба зависла
над бездной смысла
где Молитва — это корабль
дирижабль
плывущий сквозь наготу
с младенцами на борту
истина эта проста как опять
и компьютер любви 1, 2, 3, 4, 5».

и ещё долго-долго после этих строк не умолкнет их долгий, как сама вечность, отголосок:

ДО-РЕ-МИ-ФА-СОЛЬ-ЛЯ —
это ДИРИЖЕР ТИШИНЫ
ДИ-РИ-ЖЕР-ТИ-ШИ-НЫ —
это ДОРЕМИФАСОЛЬЛЯ
РЕЖИРИД ЫНИШИТ — это СИ
СИ — это РЕЖИРИД ЫНИШИТ
КЕДРОВ — это неземной кедр из космической ноты ОВ
ОВ — это восьмая нота Кедрова на Земле.

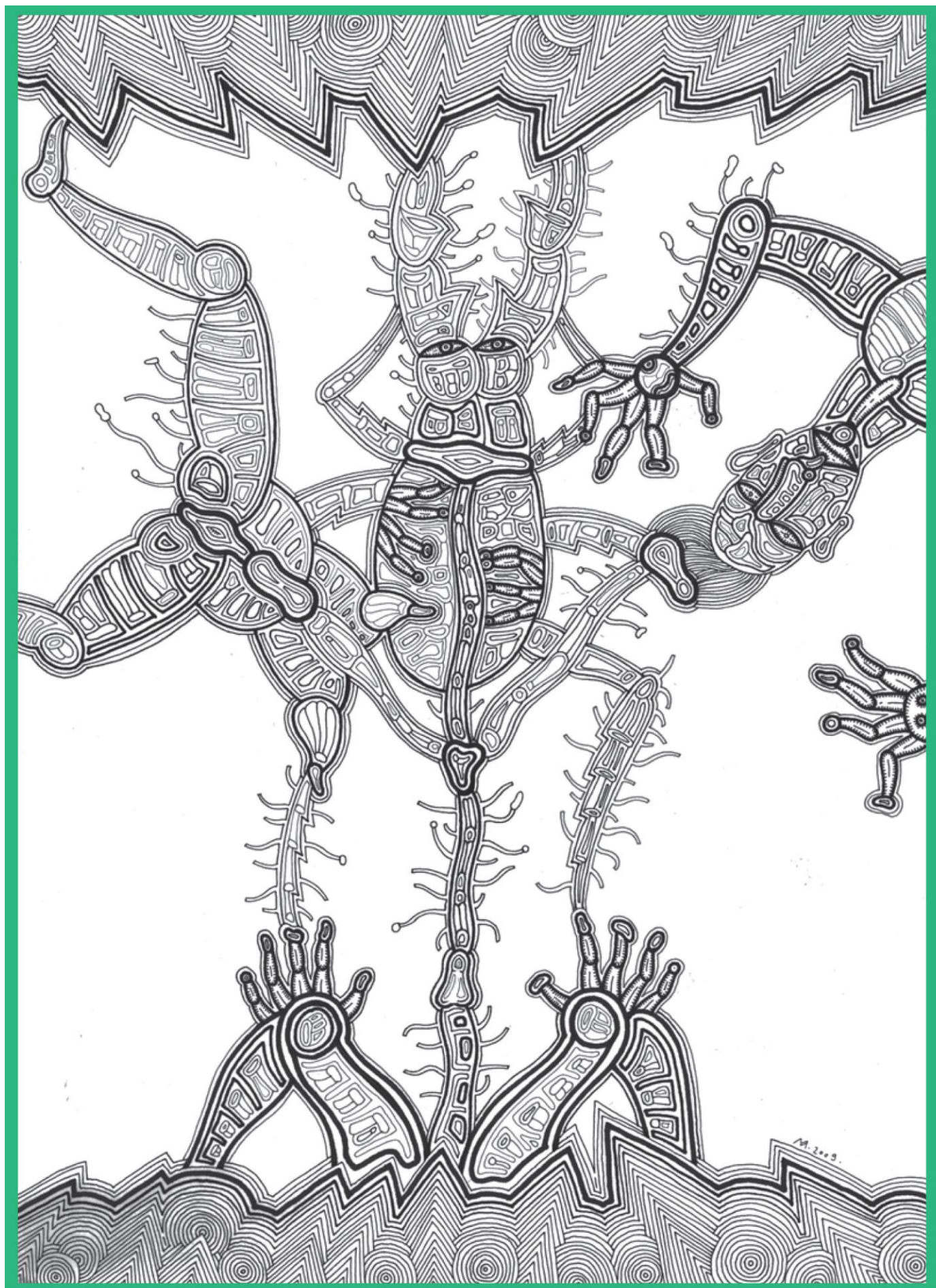

Рисунок Михаила Молочникова

"И, это видя, помни: нет цены
Свиданьям, они которых сочтены."
В.Шекспир, сонет 73. Б. Пастернак

AudioPedia

Старое радио

2010

ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) презентация «Журнала ПОэтов» № 12 (24)

Код для вставки на сайт или в блог (HTML):
`<object width="240" height="120"><param`
[Tweet](#) 0 [Like](#) 4
[Сохранить](#) [Скачать файл](#)

19 августа 2010 г.,
Чеховский культурный центр в Москве
Салон «Классики XXI века»
и ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз)
провели презентацию «Журнала ПОэтов» № 12 (24)
«Алиса в стране стрекоз»
(памяти Андрея Вознесенского)
Скульптор Григорий Потоцкий представил новую работу посвященную памяти
А.А.Вознесенского.
Вечер провёл основатель ДООС Константин Кедров.
В программе: Парад ПОэтов. Участвуют авторы Москвы, Вены, Братска,
Ярославля.
Инсталляция «Футуристическое прет-а-Порте»

Следующие

Главный редактор Журнала ПОэтов Константин Кедров и скульптор Григорий Потоцкий, изваявший бронзовый портрет Андрея Вознесенского, открывают презентацию Журнала ПОэтов, посвященного Андрею Вознесенскому.

Константин Кедров

Кирилл Ковальджи

Елена Кацюба

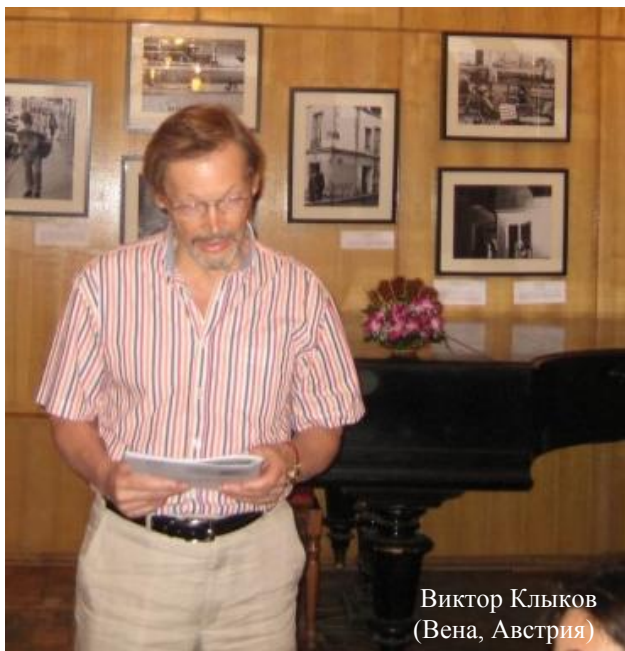
Александр Еременко

Вилли Мельников

Ольга Адрова

Футуристическое кубистическое прет-а-ПОРте, посвященное Андрею Вознесенскому. Автор Маргарита Аль.

Традиционный финал вечера – ДООСская катавасия .
Все участники одновременно читают каждый свое стихотворение .

